

МАРГАРИТА ДЮЖЕВА

СЛУЧАЙНЫЙ
ХОЗЯИН
ДЛЯ НЕВОЛЬНИЦЫ

Маргарита Дюжева
Случайный хозяин
для невольницы

Серия «Наследники Туарии», книга 3

<https://litres.ru/68867412>

SelfPub; 2023

Аннотация

В тот день не было никого счастливее меня. Я надела свое лучшее платье, заплела красивую косу. А потом... Меня продали!

Я боялась его до дрожи. Но он никогда не делал мне больно. Я поклялась сражаться до конца. Но он и не думал со мной воевать. Я возненавидела его с первого взгляда, но когда пришло время выбирать, ради него отказалась от целого мира.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	58
Глава 5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Маргарита Дюжева

Случайный хозяин для невольницы

Пролог

После недели дождей наступила хорошая погода. Солнце ярко светило, щедро делясь своим теплом с основательно промоченной землей, и от того травы пошли в рост, лесные ягоды начали наливаться, а грибы выскакивали на полянах так плотно, что хоть косой коси.

Именно поэтому Мэри и Ормас встали с утра пораньше.

Полная неопрятная женщина небрежно заколола слегка тронутые сединой тусклые волосы, приготовила себе и мужу завтрак из двух кусков хлеба и киселя и, ворча о том, что у всех мужики как мужики, а ей попался непутевый бездарь, начала собираться.

Достала из чулана две большие, местами треснувшие корзины. Приготовила еще краюху хлеба да фляжку с квасом.

Муж – высокий и худой, как жердь – тем временем ворчал, что еды нормальной сто лет не видел, и что женился на неряхе, не способной привести дом в порядок, заштопать ему дырку на носке и приготовить хоть что-нибудь съедоб-

ное.

Вот так, переругиваясь и высказывая друг другу взаимные претензии, они разделались со скудным завтраком и отправились в лес. За грибами.

Каждый из них мечтал, когда вернется домой, сытно поесть, продать излишки урожая ленивым горожанам, а на вырученные деньги купить браги. Правда, Мери иногда хотелось новый платок, а Ормасу пойти в кабак, где подавали достойное пойло, но оба знали, что закончится все как обычно: они выручат немного денег и вернутся домой, чтобы продолжать нить, что жизнь так несправедлива и никто не хочет просто так осчастливить богатством двух лентяев, перебивающихся случайными подачками.

Природа к появлению таких гостей отнеслась настороженно. Ягоды не спешили сверкать наливными боками, а грибы прятались в траве да под опавшими листьями.

Муж с женой прошли по привычным местам и не набрали ничего, кроме десятка сыроежек да пары старых подберезовиков.

– Я тебе говорила, вчера надо было идти, – ворчала Мери, – кто-то был на днях и все срезал.

– Вот и шла бы сама, – огрызнулся Ормас, – у меня дела были.

– Какие дела? – пренебрежительно фыркнула женщина. – На койке лежать да в потолок смотреть? Думать о том, что когда-нибудь станешь великим и богатым?

– Когда этот день наступит, первое, что я сделаю – велю тебя повесить, – зло отозвался он, – всю плешь проела.

Но каждый из них знал, что никуда им друг от друга не деться. Никому не нужна ни грубая неопрятная толстуха, ни ленивый пьянчуга. Так и проживут они до конца своей жизни в ветхом, покосившемся доме на окраине деревни, перебываясь с воды на воду.

– Здесь ничего не найдем. Надо идти к Лазоревому Озеру, – предложила Мери и, перехватив корзину поудобнее, грозно посмотрела на мужа, который уже собрался с ней спорить.

– Туда идти почти час!

– Зато там можно найти царский гриб.

– Он вкусный, – мечтательно согласился Ормас.

– Он дорогой, – тут же осадила его жена, безжалостно руща мечту поплотнее набить брюхо.

Переругиваясь и проклиная друг друга, они добрались до озера, когда роса на траве уже начала подсыхать. Солнце светило, скользя игривыми лучами по водной глади, солнечными зайчиками прыгая по берегу и слепя глаза.

– Ищи давай! – цыкнула Мери на мужика, который, притомившись, решил вздремнуть на берегу.

– Без тебя разберусь, – он только картуз на глаза опустил и, запрокинув руки за голову, устроился на мягкой траве.

– Бездарь. Неудачник. Сопля бестолковая, – причитала Мери, ползая по прибрежной траве – царский гриб любил у воды расти. Только бы найти ярко-оранжевую шляпку! Где

один, там и пять. Где пять, там и полкорзины. А если будет полкорзины, то можно будет продать и купить чего-то повкуснее хлеба да куриных хребтов.

В высокую осоку она не лезла – там гриб не прятался. Надо было искать шельм-траву с листьями, такими же большими, как у лопуха, но с розовой каймой по краю. Вот под такими листьями чаще всего царский гриб и сидел.

Она еще издали заприметила куст, отдающий розовым, и поспешила к нему. Подняла большой лист, да так и села, уронив корзину на землю.

Под листом среди мягкого мха сладко спал младенец. Крошечная девочка. Ее ярко-рыжие кудряшки обрамляли розовое личико, маленькие ручки были сжаты в кулачки, а бровки насупились, словно малышка думала во сне о чем-то тревожном.

Мери попятилась и, забыв о корзине, со всех ног бросилась к мужу.

– Вставай, увалень тупоголовый! – грубо пихнула его в бок.

– Чего тебе? – рыкнул он, недовольно сдвигая шапку на бок.

– Я ребенка нашла!

Муж сфокусировал на ней подозрительный мутный взгляд и понял, что жена не шутит, торопливо поднялся на ноги:

– Где?

Не говоря ни слова, женщина побежала обратно к розовому кусту так быстро, как позволяли трясущиеся тела.

Ребенок все так же спал, прижав кулачок к щеке и забавно чмокая.

– И правда ребенок. Девчонка, – прогудел Ормас.

– Тихо ты, разбудишь!

– И что?

– Как что? Вдруг кто услышит и придет? Егери вечно вокруг озера мотаются.

– Да что мне эти егери? – храбрился мужик, за что получил толстым локтем в бок.

– Ты совсем дурак? Мозги продуло? Это же драконий ребенок!

– Ты-то откуда знаешь? Может, просто мамаша непутевая тайком родила да бросила, чтобы спиногрыза не тащить на себе.

– Нет, – Мери страстно покачала головой, – драконьи дети только на берегу Лазурного озера появляются. Это такой ребенок! Я чувствую.

– И что?

– Ты забыл? За каждого такого найденыша двадцать золотых в городе дают!

Напоминание о деньгах сменило настроение мужчины. Он снова посмотрел на беспомощного детеныша, в этот раз без раздражения и брезгливости.

– Мы ее возьмем и отнесем в город. Только надо не через

деревню идти, а то староста отберет и сам отвезет. В обход пойдем.

Решив так, супруги пересыпали все грибы в одну корзину. Дно второй выстлали мягкой травой да платком, который Мери с головы сорвала. Она осторожно подняла малышку и, стараясь не разбудить, переложила ее в корзину.

– Идем, – прошептала мужу, и они побрели обратно, воровато оглядываясь по сторонам.

Уже когда миновали опушку и двинулись в сторону объездной дороги до города, Мери остановилась.

– Что опять?

– А давай ее себе оставим? – предложила так внезапно, что муж вздрогнул.

– Совсем из ума выжила? Только дочь непутевую из дома к мужу выселили, а ты еще одного нахлебника хочешь при- тащить? Самим жрать нечего, а еще эту терпеть, – он гневно кивнул на корзину, где спал ребенок, – от нее только вонь да крики будут.

– Нет, ты послушай, – глаза женщины алчно заблестели, – мы ее оставим. Всем остальным скажем, что дочь нагуляла, в подоле принесла да нам под дверь подкинула. Воспитаем ее как родную.

– Точно с ума сошла, – скривился Ормас.

– Да подожди ты. Не перебивай! А когда ей стукнет восем- надцать, поедем в прибрежный Кемар. Там рынок невольни- чий есть. – Произнесла шепотом, – продадим ее. Что нам эти

двадцать золотых? За взрослую девушку-дракона мы получим целое состояние. Ради этого можно и потерпеть. Да и в деревне, глядишь, проникнутся и помогут чем-нибудь. Едой поживимся, вещами. И ей в хозяйстве применение найдем.

Ормас почесал макушку и хмыкнул.

– Умная ты баба, Мери, – неуклюже приобнял жену. Мысли о хорошей наживе тут же расцвели в его фантазии буйным цветом.

Супруги еще раз переглянулись, убедились, что вокруг никого нет и, резко поменяв направление, пошли обратно в свою деревню.

А малышка продолжала спокойно спать, не подозревая о том, какая судьба была ей уготована.

Глава 1

– Киара! – раздался зычный голос бабушки.

Я встрепенулась, отбросила в сторону истерзанную ро-машку, с помощью которой пыталась узнать, любит ли меня соседский Дарен или просто так вокруг да около ходит, и вскочила на ноги.

– Я тут.

– Ты что там притаилась?

– Отдыхаю, – показала свои чумазные, покрытые мозолями руки.

– Все грядки дополола?

– Нет, только три.

– Три?! – возмутилась бабушка. – А когда остальные пять доделывать будешь?

– Сейчас еще две сделаю, а остальные завтра, когда из го-рода вернемся.

– Ты что?! Какое завтра! Сегодня все доделывай! Кто по-том корячиться будет? Я, что ли?

– Я и буду, – удивленно на нее посмотрела. – К чему такая спешка? Можно подумать, я сегодня последний день здесь живу.

– Ты мне зубы не заговаривай, лентяйка, – она сверкнула недовольным взглядом и пальцем погрозила, – запру сейчас в комнате, и никакого города завтра не будет!

– Не надо! – я тут же пошла на попятный.

Бабуля у меня могуча телом и сурова лицом, а уж характер у нее такой резкий, что просто жуть. Недаром дед предпочитает в деревне у мужиков прятаться, когда его жена не в духе. Она ведь при случае и затрещин надавать может, а рука у нее ох какая тяжёлая. Уж я-то знаю. Прилетало не раз.

– То-то же, – строго просопела бабка, – как прополешь, дома приберись и белье заштопай.

– Мы с девочками на речку хотели пойти, – начала я растерянно, но замолчала, когда на меня обрушился тяжелый взор родственницы.

– Нет-нет, никаких речек, – она категорично покачала головой, – дела надо переделать. А вечером в баню к соседям пойдем.

– Но почему все сегодня?!

Я не понимала, к чему такая спешка. Почему в последние дни она как с цепи сорвалась и заставляла меня трудиться, не разгибая спины? У нас что, завтра конец света? Надо непременно успеть все переделать? У меня в голове не укладывалось. Я никогда не была ленивой, все делала, но сейчас мне казалось, что она хочет из меня последние силы выжать.

– Запру! Иди работай! – снова пригрозила она и ушла в дом.

А я пошла работать. Потому что мне никак нельзя было под замок. Завтра важный день. Мне исполнялось восемнадцать.

Дед с бабушкой давно обещали, что в честь такого события мы поедem в город. И не в соседний захудалый Тиррин, а в прибрежный Кемар. Туда приплывают корабли из других стран и стекаются торговцы со всего побережья Туарии. Там дома высотой с гору, в лавках какого только добра нет, а улицы шириной с нашу деревню. А еще людей там столько, что я даже представить не могла такую толпу. Тысячи!

Да еще душу грел маленький секрет. В матрасе в потайном месте были припрятаны пара монет. Мне дал их булочник, когда я у него подрабатывала – муку просеивала для хлеба да подносы тяжелые отмывала. Он тогда заплатил мне двадцать монеток, которые я должна была бабушке отдать, а потом воровато оглянувшись, сунул еще парочку и сказал спрятать так, чтобы старая Мери не нашла. Я спрятала. И завтра смогу купить себе какую-нибудь безделушку.

Бабушка, конечно, заинтересуется, откуда у меня свои деньги, но не думаю, что будет сильно ругаться. Все-таки день рождения. Праздник как-никак.

Но это завтра, а сегодня было наполнено работой под завязку. Огород, дом, готовка. Весь день я крутилась как белка в колесе, а к вечеру, когда мне хотелось только упасть на кровать и заснуть, бабушка потащила меня в соседскую баню, где терла так, будто пыталась кожу с костей содрать. Я только пыхтела, охала, подставляя бока, да недоумевала, откуда в ней такое рвение.

Утро началось с суматохи. До Кемара три часа ехать. Мы встали ни свет ни заря, чтобы успеть проделать большую часть пути до начала жары. Бабушка достала из сундука мое новое платье. Зеленое, усыпанное маленькими красными цветочками, с пышными рукавами-фонариками и шитьем по подолу.

– Надевай.

– Ой, бабушка, – у меня от восхищения все слова из головы вылетели, – можно? Правда?

– Можно, – милостиво пробасила она, – сегодня ты должна быть самой красивой.

Я не знала, зачем мне быть самой красивой, но была совершенно не против. С радостью сменила серое холщовое платье на новое и покружилась у старого зеркала, спрятавшегося в углу, пытаясь рассмотреть себя в рябой поверхности.

– Ну как? – обернулась к родным.

Дед только крякнул и над тарелкой склонился, а бабка придиричивым взглядом прошлась по мне сверху вниз и обратно.

– Косу заплети. Красивую! Как тогда, когда я тебя за сараем с соседским щенком застучала!

Я покраснела. Вспомнила, как бабка крапивой меня отходила, когда поймала нас с Дареном за поцелуем. Я потом неделю из дома не выходила, только в окно на остальных завистливо смотрела да слезы горькие лила.

– Хорошо, – глаза опустила и начала пальцами рыжие волосы разбирать.

– Я у Клары сандалии взяла. Ее дочери малы, а тебе как раз будут. Да и к платью подходят, – она выудила из корзины розовые сандальки с тонкими ремешками.

Я не могла поверить своей удаче. Прекрасное начало самого прекрасного дня в моей жизни!

Спустя полчаса мы погрузились в старую телегу, запряженную еще более старым мерином, и отправились в Кемар. Сгорая от нетерпения, я смотрела по сторонам и радовалась тому, что в подкладке платья спрятаны заветные монетки. Нет-нет, да и проверяла, незаметно прощупывая через ткань, пытаюсь представить, что я смогу купить и чем потом перед девчонками хвастаться буду.

Сначала дорога змеилась через сосновый бор, потом вытянулась стрелой по широкому полю, затем вдоволь попетляла меж холмов и только потом вывернула к широкому тракту, который уверенно вел нас в прибрежный город. Было жарко и душно. Бабушка с бдительностью коршуна следила за тем, чтобы я не снимала чепец:

– Обгоришь еще! Куда я тебя с красным носом дену?

Я понять не могла, почему ее внезапно так обеспокоил мой красный нос, и почему она с таким упорством подсовывала мне флягу с водой.

– Пей! Солнечный удар хватит, и что тогда?!

– Да не хватит! Нормально у меня все, я привыкшая.

– Пей, – она была непреклонна, и мне приходилось пить.
– Давай лучше я выпью, – ворчал дед, – во рту пересохло.
– Перебьешься! А во рту у тебя сохнет, потому что вчера со своими дружками-неудачниками перебрал, – рыкнула на него бабуля.

– Я пить хочу!

– Так озаботился бы дома! Припас бы себе водички, – ехидно ответила она, – а я только себе и Киаре взяла.

– И что мне делать? – возмущался дед.

– Иди вон полакай, – махнула в сторону бурой лужицы, поверхность которой была усыпана семенами и пылью, – можешь еще лопухи полизать, авось роса не совсем сошла.

Я молча слушала их перебранку и думала о том, что день рождения складывается не совсем так, как хотелось. Я мечтала, что мы, как одна большая дружная семья, отправимся в город, будем гулять, веселиться, а сейчас выходило так, словно и не уезжали никуда. Все те же склоки, те же разговоры на повышенных тонах. А так хотелось сказки! Красивой, счастливой, наполненной прекрасными моментами...

В общем, из сказочного оставалось только то, что мы все-таки едем в город, и что у меня припрятаны монеты. Все остальное – как в обычный день. Я поругала себя мысленно за такие упаднические мысли и нетерпеливым взглядом впилась в горизонт. Скорее бы приехать!

Город появился крошечной, непонятной точкой на гори-

зонте, будто кто-то мусор обронил, да размазал. Но постепенно он становился все больше и больше. И вот я уже смогла различить башни песочного цвета и отдельные дома с серыми крышами. Чем ближе мы подъезжали к Кемару, тем настойчивее казался гул, доносившийся с его стороны. Тысячи голосов, гроыхание повозок по мощеным дорогам, ржание лошадей, рев скота, птичий гомон – все это обрушилось на меня, придавливая своей мощью, пугая.

Что-то пока совсем не весело. Скорее, наоборот.

Я сидела в телеге ни жива ни мертва и, вцепившись пальцам в бортик, смотрела во все глаза, боясь пропустить что-то важное.

Мы въехали через центральные ворота, под бдительным взглядом огромных стражей, увешанных оружием. Они следили за порядком и любого дебошира выставляли за ворота, а иногда досматривали повозки, если те казались им подозрительными.

В воздухе стоял стойкий запах рыбы, животных, дегтя и стоялой воды. Странная мешанина незнакомых специй и благовоний. От этого кругом шла голова, а сердце начинало испуганно биться.

Пока что город мне не нравился, и я испытывала лишь одно желание – побыстрее сбежать.

Трусиха! Позорище!

Дед ловко управлял нашей старой колымагой. Мы протиснулись по забитым улицам на центральную площадь и удоб-

но остановились в сторонке, там, где народ не толкался.

– Приехали! – весело проскрипела бабушка. Ее лицо светилось от удовольствия, как масляный блин. – Киара, иди ко мне. Я проверю, все ли в порядке.

Что со мной может быть не в порядке? Устала немного, запылилась, перепугалась, но любопытство уже поднимало голову, заставляя озираться по сторонам, жадно всматриваясь в прохожих, в дома – во все, что творилось вокруг.

Бабуля вытащила соринки из косы, сдернула с меня чепчик, небрежно отбросив его в кузов:

– Он больше тебе не нужен.

Потом достала щетку и хорошенько прошлась по моему платью, приводя его в порядок.

– Ну вот. Совсем другое дело.

Тем временем дед с несчастным видом отдал пару медяков смотрителю за право стоять на площади и, сокрушенно ворча о том, что его ободрали как липку, вернулся к нам.

– Сюда! – бабуля решительно указала в сторону неприметной улочки, начинавшейся неподалеку от нас.

– Пойдёмте лучше вон туда, – я махнула в сторону торговых лотков, заваленных пестрыми безделушками.

– Потом! – резко осадил бабушка, но когда я удивленно посмотрела, не понимая, чем ее разозлила, ворчливо пояснила: – Дело есть одно важное. Как с ним покончим, так пойдешь гулять.

– Что за дело? – я с трудом погасила внезапно всколых-

нувшуюся обиду. Все-таки мой день рождения! Какие могут быть дела?

– Потом узнаешь. Надо отдать. Одну вещь, – отмахнулась она и, схватив меня за руку, быстрым шагом пошла в переулочек.

– Только отдать и все? – подозрительно поинтересовалась я.

– Да.

– А потом гулять?

– Да, – хмыкнула бабуля, – потом гулять.

– Обещаешь?

– Обещаю, – усмехнулась она, – такой загул устроим, что ого-го-го!

Дед, поспевавший рядом, только довольно крикнул.

Я успокоилась. Ладно. Дело, так дело. К тому же переулочек, по которому мы шли, оказался тоже интересным. Здесь продавали животных. Куры, овцы, какие-то странные зверьки в клетках. Я только успевала головой по сторонам крутить и изумленно охать.

Вскоре мы вышли к двухэтажному кирпичному дому и, миновав центральные высокие двери, направились к неприметному черному входу.

– Ждите здесь! – коротко дала распоряжение бабуля и вломилась внутрь, грудью прокладывая себе путь среди остальных посетителей.

Мы с дедом остались наедине. Он и так всегда был не осо-

бо разговорчивый, а сейчас и вовсе стоял с таким видом, будто не знал куда деваться, и на меня категорически не смотрел. Странно.

Бабуля появилась через пять минут. Взлохмаченная, злая, раскрасневшаяся, как рак:

– Живее! Мы следующие!

Следующие? Я полнейшем недоумении посмотрела на нее, на деда, но никто не спешил пояснять. Меня просто схватили за руку и потащили внутрь. Я едва успевала переставлять ноги, тщетно пытаюсь понять, что творится.

– Это сюрприз какой-то? – спросила ошалевшим голосом, когда мы чуть ли не бегом поднялись по пологой лестнице.

– Ага, сюрприз, – просипела бабуля, стирая пот со лба.

Возле очередной двери нас встретил мужчина в коричневой одежде и с такими длинными усами, что их можно было дважды обмотать вокруг головы.

– Вот и мы!

Ни разу не видела, чтобы бабушка так заискивающе улыбалась.

– Эта? – мужчина кивнул в мою сторону и сделал пометку на сером листе.

– Эта, эта, – хором ответили родственники.

– Заходите! – распахнул перед нами дверь, и прежде, чем я хоть слово сказала, бабуля затащила меня внутрь.

В помещении было так ярко, что я зажмурилась, прикрыла глаза руками и первые неуверенные шаги сделала всле-

пую. Вокруг гул голосов, незнакомый говор, смех. Я растерялась.

Кое-как открыла глаза и обомлела.

Мы находились в небольшом амфитеатре, в самом центре, на скрипучем постаменте, а вокруг нас в несколько рядов, поднимающихся до самого потолка, сидели люди. Много людей.

– Следующий лот. Девушка-драконида. Восемнадцати лет отроду. Чиста и непорочна, – раздался зычный голос. И все посмотрели на нас. А именно – на меня.

Я попыталась отступить, но тело не слушалось, будто его удерживала на месте чужая воля, и голос пропал. Я ничего не могла сделать с магическими путами. Только стояла и беспомощно озиралась по сторонам.

Глава 2

В южной части Кемара, как всегда, стояла такая вонь, что глаза слезились. Мне казалось, что даже у Барьера воздух чище, чем в этой дыре. Рыбные миазмы сплетались с тонкими ароматами зверья, немытых тел и каких-то совершенно невысказанных благоуханий. Я привык к тварям, подземельям, запаху крови и пепла, а не вот к этому всему.

– Купи пирожок! – ко мне подлетел потный мужик с лиловым носом. – Свеженький!

И сунул мне под нос нечто бесформенное, масляное, скончавшееся естественной смертью.

Только бы не стошнило.

Кому скажи – засмеют. Боевой джинн, а веду себя как томная барышня.

Как меня вообще занесло в эту клоаку?

Помню, Овеон дал отгулы. Помню, я ушел от Барьера. Помню деревню на пути. Помню кабака, в который заскочил на пару минут. Дальше не помню. Чем я занимался все это время – не знаю, но, судя по тому, что очнулся на другом конце страны в порту в дешевой комнате – чем-то феерическим.

Кстати, меня обокрали. Все унесли, вплоть до исподнего. Пришлось заново создавать себе одежду, ботинки, необходимые вещи. Хорошо быть джином.

В общем, отпуск удался.

Пора отсюда уходить, вот напоследок надо заглянуть кое-куда.

Хоть Кемар мне категорически не нравился, но здесь были очень интересные места. Их так просто не найдешь, надо знать.

Я знал. Поэтому увернулся от мужика с тухлым пирогом и отправился по узкой улице в самое сердце портового города, напоминавшего огромный муравейник. Хитросплетения узких улочек вывели меня к двухэтажному зданию – торговый дом дядюшки Мейсона. Идиотское название. На вывеске изображена то ли рыба, то ли утка и счастливая физиономия немного чокнутого мужчины. Наверное, это и есть дедушка Мейсон. Говорят, он был тем еще чудаком, любил экзотику и всякие странности, привозил со всего мира необычных животных и устраивал зрелищные торги.

Сам Мейсон умер лет так двести назад, а его дело продолжало жить. Правда зрелищности больше не было – обычные аукционы, да и настоящая экзотика попадалась все реже и реже, но иногда можно было увидеть что-то интересное. Именно здесь я приобрел ламарского огненного кота и пару грифельных орлов, а однажды выкупил драконье яйцо, которое ушлые браконьеры выкрали из закрытой долины.

Может, и сегодня повезет? Я не против прикупить какую-нибудь чудную зверюшку. Хоть какое-то оправдание тому, что я оказался в этой дыре.

За вход пришлось заплатить десять серебряных. Я небрежно скинул монеты в специальный ящик и, миновав темный коридор, вышел в главный зал, тут же заняв первое попавшееся свободное место.

Торги уже шли вовсю. На сцене стоял мужичок и держал под уздцы рослого расторского клыкастого жеребца. Аукционер бодро принимал ставки, не забывая нахваливать товар. В итоге коня продали за хорошие деньги.

После него на сцену вывели пару далийских гончих. На свирепых зверюг был наброшен сдерживающий кокон, из которого они не могли вырваться и только сверкали свирепым взглядом на присутствующих. Покупателей на псов было не так много, поэтому продали их дешево. Недовольный продавец с кислой миной пересчитал монеты и ушел, громко хлопнув дверью.

Потом были розовые голуби, какие-то незаменимые в хозяйстве черви, еще пара гончих и двухголовый ослик. Ничего интересного. Зря пришел.

– А теперь самый главный лот сегодняшнего дня! – таинственным голосом начал аукционер. – Такого вы точно никогда и нигде не видели! И не увидите! Гарантирую.

Ух ты, вот это интрига! Я едва сдержал скептическую усмешку. И что же это? Волшебные белочки? Золотые утята? Зря я пришел сюда, зря.

– Прошу! – он взмахнул рукой, и на сцену выволокли девочку, рыжую, как лиса, перепуганную настолько, что я даже

на расстоянии чувствовал, как мечется сердце у нее внутри.
Твою мать.

Вот чем плохи торговые дома Кемара: здесь не только зверье продавали, но и людей. Не знал я, что и дядюшка Мейсон до такого товара опустился, иначе бы не пришел.

Девчонка явно не понимала, где оказалась, затравлено озиралась по сторонам, мечась взглядом по заинтересованным лицам. Рядом с ней стояла дородная тетка, протирая потный лоб замызганной тряпицей, и чахлый длинный, как жердь, дед. Продавцы хреновы.

– Следующий лот, – аукционер выдержал эффектную паузу, – девушка-драконид. Восемнадцати лет отроду. Чиста и непорочна.

Да ладно?! Кого он собрался обмануть? Какой это драконид? Просто девчонка.

На всякий случай ощупал ее магическим взглядом. Никаких признаков того, что она может обращаться, я не нашел, зато явно увидел путы, удерживающие на месте, и удавку не дающую говорить.

М-да, повезло девочке.

– Пусть подтвердят! – выкрикнул толстый купец с первого ряда. Рядом с ним лежал амулет, раскрывающий обман. Конечно, он показал, что в девочке нет дракона.

– Продавцы утверждают, что это драконий ребенок. Так ведь?

Вперед выступила толстая тетка:

– Мы нашли ее восемнадцать лет назад на берегу Лазорев-
ного озера, – прокаркала она грубым голосом. – С тех пор
растили, кормили, поили как родную внучку. Женихов отго-
няли.

Девчонка отшатнулась и испуганно уставилась на свою
«бабулю». Из огромных синих глаз покатались слезы. Вот
бедолага.

– Ну и что? Мало ли кого где нашли! Пусть покажет дра-
кона. Хотя бы хвост! – под дружный одобряющий смех про-
должал купец.

Толстуха растерянно озиралась, потерявшись в гуле голо-
сов.

– Доказательства!

– Мы нашли ее на берегу!

– А я утку дохлую как-то нашел! Мне ее тоже как дракона
продавать? – пробасил узкоглазый огромный мужик.

Тетка совсем растерялась, подскочила к девчонке и дер-
нула ее за руку:

– Оборачивайся, мерзавка! Немедленно.

У той слезы градом катились, но она ни звука не издавала
– магические пути работали исправно.

Гомон поднялся невообразимый. Еще немного, и бабищу
схватила бы кондрашка. Одутловатое лицо покраснело так,
что стало похоже на гигантский перезрелый помидор. Все
еще на что-то надеясь, она пыталась спорить, отстаивать свое
мнение, но ее никто не слушал. Тогда она беспомощно по-

смотрела на своего мужика, но тот давно слился и пытался незаметно отойти к дверям.

Аукционер, почувствовав, что запахло жареным, ударил в медный гонг. По залу разлилось низкое гудение, заставляя заткнуться разгоряченных покупателей. Ропот стих, но атмосфера по-прежнему была накалена.

– Раз продавцы не могут подтвердить, что девушка действительно дракон, у нас есть два пути. Либо прогоняем их, естественно, с уплатой штрафа...

При этих словах тетка схватилась за сердце.

– ...Либо вы можете выставить свой товар как обычную невольницу.

– Выставляем! – хором согласились заботливые родственники.

– Итак, наш лот – девушка восемнадцати лет, – равнодушным голосом продолжил торгаш, – начальная ставка сто золотых.

В этот момент браслеты на моих запястьях накалились. Сигнальные рубины запульсировали, словно в них билось чье-то яростное сердце.

Призыв Овеона. Он требовал моего возвращения обратно, к Барьеру. Немедленно. И судя по тому, как полыхали браслеты – дело серьезное. Крупный прорыв. Была необходима моя помощь.

Я еще раз глянул на рыжую. М-да, попала девка, как кур в ошип. Неприятно, наверное, быть проданной, тем более до-

рогими родственничками, но не всем в жизни выпадает золотой билет. Кому-то торги, кому-то вечная война. У каждого свой путь, и не всегда он выслан розами.

Мысленно пожелал ей удачи и поднялся со своего места. Мне пора перемещаться. Не нравятся мне эти переходы, но Овеон так просто дергать не станет.

Я направился к дверям, вполуха слушая, как идут торги. Стоимость живого товара уже поднялась до пятиста золотых. Рыжая понравилась покупателям, поэтому они бойко предлагали ставки, выкрикивая со своих мест. Особенно усердствовал тот самый узкоглазый здоровяк, мимо которого я как раз проходил.

– Давненько у меня рыжей не было, – он с гадким смешком обращался к своему соседу, – они знаешь какие? Ух! Огонь! Сопротивляются, царапаются, но как волосы на кулак намотаешь, да носом в койку уткнешь, так и затихают.

Пффффф...

Вот поэтому я и не люблю Кемар. Плохое место. Мало того что твари из Запределья в наш мир лезут, так еще и среди местного населения полно сволочей.

Жалко девчонку, но не до нее сейчас. У меня дела есть поважнее, чем возиться с рыжим найденышем.

В два шага преодолел расстояние до двери и уже потянулся к ручке, как снова услышал сальный голос узкоглазого, перебивающего предыдущую ставку.

– Семьсот.

Взялся за ручку и раздраженно дернул дверь на себя.

– Семьсот пятьдесят, – раздалось в другого конца зала.

– Восемьсот! – снова прогремел любитель наматывать чужие волосы на кулак.

Я остановился, прикрыл глаза, пытаюсь совладать с непонятными порывами.

– Девятьсот!

Запястья жгло так, будто к ним приложили раскаленную подкову. Надо идти. Один шаг. Переступить через порог, закрыть за собой дверь. Переместиться. Все просто.

– Тысяча!

Да чтоб тебя!

Против воли обернулся. Девчонка рыдала, а вокруг как коршуны вились торгаши. Ее бабка жадным взглядом с одного на другого перебегала и так искренне радовалась каждой новой ставке, что меня затошнило от отвращения.

Боль в руках пульсировала, нарастая с каждым мигом, а я не мог уйти. Просто не мог. Возможно, я потом пожалею об этом, но сейчас мне плевать на последствия:

– Полторы тысячи!

Узкоглазый крикнул и недовольно повернулся в мою сторону. Я проигнорировал его взгляд, только кулаки сильнее в карманах сжал, удерживая вторую сущность, которая была готова устроить кровавую расправу.

– Тысяча шестьсот, – он все-таки перебил мою ставку.

– Две! – я злился все сильнее. Браслеты полыхали так, что

казалось, еще пара минут – и прожгут плоть до самого мяса.

Он снова на меня обернулся, в этот раз окатив весьма ощутимой угрозой.

– Две сто, – снова поднял ставку. Остальные уже молчали и не совались. Не всякий готов отдать за простую девку гору золотых, будь она хоть трижды рыжая.

– Три, – произнес хладнокровно, не обращая внимания ни на ропот, пронесшийся среди покупателей, ни на ужас в глазах невольницы.

Вся выдержка уходила на то, чтобы не обратиться. Боевая сущность реагировала на браслеты, тянулась за ними, рвалась на волю, в бой.

У Барьера явно проблемы, а я теряю здесь время впустую!

– Кто предложит больше? Посмотрите на товар? Ладная, красивая, волосы – как огонь, кожа – как нежнейший шелк.

– Пять, если закончишь этот балаган прямо сейчас, – с трудом удалось сдержать рычание. Аукционер притих и обменялся взглядом со старухой, та в ответ быстро закивала и нервно потерла руки, готовясь получить большой куш.

– Продано за пять тысяч господину в последнем ряду.

Ну, наконец-то!

– Подтвердите, пожалуйста, свою платежеспособность.

Да без проблем. Достал из кармана свеженаколдованный мешок с золотом и спустился вниз, туда, где стояла рыжая с родственниками и аукционер.

Деньги я отдал прямо в руки заботливой бабуле, которая

так здорово пристроила свою внучку. Та вцепилась в мешок толстыми пальцами, путаясь и дрожа от нетерпения, развязала веревочку и заглянула внутрь.

– Золото! – запустила туда пятерню и достала целую пригоршню монет. Ее лицо потеряло осмысленное выражение, в глазах не осталось ничего, кроме лихорадочного блеска. – Много золота!

– Давайте проверим! – аукционер был не так легковверен, поэтому не поленился приложить к мешочку счетный амулет. – Все правильно, пять тысяч золотых. Можете забирать товар.

Товар беззвучно рыдал.

Вот бедняга. Представляю, что там у нее на душе творится. Только утешать мне ее некогда. Если я сейчас же не явлюсь к Барьеру, меня вывернет прямо здесь.

Но когда я сделал шаг и протянул руку, чтобы взять под локоть беднягу, теперь по праву принадлежащую мне, рыжая вскинула на меня взгляд, и там сто-о-о-олько было намешано, что я чуть не споткнулся на ровном месте.

Боль, страх, ужас, а еще ярость и ненависть такая, что она морозом по коже прошлась, и я ощутил ее горький привкус на языке.

Эх ты ж, е-мое!

Купил, называется, рыжулю. Спас бедняжку.

Ладно, разговаривать с обиженными буду потом, когда время появится. Сейчас этого времени не было совершенно.

Не обращая внимания на ее пламенные взгляды, подхватил под руку и потащил к выходу. Девчонка и рада бы сопротивляться, но путы по-прежнему были на ней, существенно упрощая мне задачу.

Бабуля, которая так хладнокровно продала свою «внучку» первому попавшемуся мужику, прижимала к груди мешочек с золотом, будто ничего важнее в жизни не было.

Дура.

Одно из главных правил: хочешь жить спокойно – никогда не бери у джинна золото. Особенно у злого джинна. Особенно у такого, что на грани обращения. Потому что джинны никогда ничего не делают по доброте душевной.

Тетка не знала ни об этом правиле, ни о том, что перед ней злой джинн. Она продолжала баюкать золото, не догадываясь, что потратить его так и не сумеет.

Из-за того, что со мной был живой груз, прицел немного сбился. Я переместился не в свою комнату, а на площадь перед домом. Причем очень удачно.

Здесь был Овеон. Здесь были мои ребята. Здесь было десятка два магов. И пара сотен простых солдат. И все они как по команде замолчали и уставились на нас.

Просто прекрасно!

Джинн, о котором и так слава не очень хорошая, и зареванная девчонка. Теперь все подумают, что я совсем с катушек слетел и таскаю к себе беспомощных девиц, чтобы же-

стоко над ними надругаться.

Вот что за нелегкая занесла меня в этот поганый Кемар, да еще и в торговый дом?!

Овеон побагровел и сделал шаг ко мне.

– Я сейчас, – бросил ему коротко и устремился в сторону ближайшего дома, чуть не волоком таща за собой рыжую. Мне кажется, она была уже на грани того, чтобы свалиться в обморок.

– Хельм, – пророкотал командующий лагерем, – ты совсем...

– Минуту! Сейчас вернусь! – толкнул плечом дверь и ввалился внутрь дома.

Моя комната располагалась на втором этаже. Чтобы не терять времени, прихватил свое рыдающее имущество поперек талии, закинул себе на плечо и бегом наверх. У нее сердце билось, словно птица в клетке. Девушка едва дышала, а ее страх был настолько осязаем, что чувствовался кожей.

Я кое-как отпер дверь и заскочил внутрь, чувствуя, что еще мгновение – и вместо рук у меня останутся две головешки. Овеон не снял призыв с браслетов и по-прежнему требовал, чтобы я немедленно явился под его светлые очи.

– Значит, так, – поставил ее на ноги и махнул рукой, обводя скупую обстановку, – это моя комната. Ты сидишь здесь и никуда не выходишь! Поняла?!

Она смотрела на меня широко распахнутыми, прозрачными от слез глазами.

Вот горе луковое!

– Кивни, если вообще понимаешь, о чем я, – рявкнул раздраженно.

Она испуганно вздрогнула, отшатнулась, а потом медленно через силу кивнула.

Вот я дуб. Еще больше запугал. Ладно, потом разберемся.

– Мне надо уйти. Срочно! Поговорим, когда вернусь, – снова бросился к двери, но на пороге обернулся, – ты меня поняла? Никуда не выходи!

С этими словами выскочил на площадку, а сквозняк так дверью хлопнул, что весь дом чуть не развалился. Эффектно вышло. Молодец. Чтоб уж наверняка довести бедную рыжую до припадка.

Через пять секунд я уже стоял перед разъяренным Овеоном.

– Ты совсем стыд потерял?! – набросился на меня он. – Своих девок уже начал в лагерь таскать?

– Я... просто... – промямлил невнятно, потому что даже самому себе не мог объяснить, как умудрился в такое вляпаться.

– Чтобы через пять минут духу ее в лагере не было! Ты меня понял? – командующий был ниже меня на целую голову, но выглядел очень свирепо.

– Не получится.

– Еще как получится. Правила для всех одни. Никаких исключений. Даже для тебя! В Дестине не должно быть посто-

ронных. Никаких мам, пап, старых приятелей и жриц любви! Последних – особенно! – он продолжал меня отчитывать у всех на глазах.

Солдаты не знали, куда деваться, маги делали вид, что ничего не слышат, зато остальные джинны угорали, не скрываясь. Я им устрою разгон!

– Здесь могут находиться только те, кто служат! И их ба-
рахло!

– Ну, – протянул неуверенно, – она как бы и есть мое ба-
рахло. Я ее купил. В Кемаре. Между прочим, дорого.

– Хельм, ты точно спятил. Тебе мало бесплатных баб, ко-
торые на тебя вешаются, так ты теперь еще их и покупать
начал? – Овеон рокотал, как разъяренный вулкан. – Власте-
лин, хренов! Барин, мать твою!

– Так вышло, – насупился я.

– Вышло у него! Значит, так, феодал ты недоделанный,
гроза крепостных девок, три дежурства. Вне очереди.

Ну все. Теперь точно новая кликуха будет. Джинны мне
такое не спустят, будут глумиться, пока не надоест.

– Да хоть пять, – буркнул себе под нос. Терпеть не могу,
когда меня отчитывают! Молчал только из-за уважения к ко-
мандующему. Резкий мужик, но правильный. Да и нагоняй,
если честно, я заслужил. Но все равно неприятно. – Отдежу-
рю.

– На кухне, Хельм! На кухне! Будешь чистить картошку,
мыть баки и объедки за остальными убирать! И не дай Бог я

узнаю, что ты себе опять помощников наколдовал! Навсегда за кухней закреплю! Понял?! Руками будешь работать, если головой не научился.

– Да какая кухня? – этого я точно стерпеть не мог. – Я, между прочим, дольше всех у Барьера служу!

И это чистая правда. Не два, не десять, и даже не сто лет я провел в этом месте, защищая мир от тварей. А меня хотят заставить картошку чистить!

– Вот именно из уважения к твоим заслугам закрываю глаза на твой пролет и ставлю всего три дня! Есть вопросы?

Вопросов не было. Вернее, был. Один.

– Браслеты все еще горят, – поднял руки, демонстрируя побагровевшую кожу, на которой местами образовались ожоговые пузыри.

Овеон смерил меня свирепым взглядом и, наконец, отключил эти орудия пыток.

– Сам виноват! Долго шел!

Знаю, что долго. Торговался, мать его. Рабовладелец, хренов.

– Зачем вызвали? – я потер запястья, убирая последствия призыва.

– Прорыв большой у Вдовьего Озера. Лифар их пока держит, но тварей много. Мы выступаем. Маги и пехота идут напрямую. А ваша четверка пусть идет с севера, ищите ту тварь, которая остальных из Запределья вытягивает.

– Понятно, – коротко кивнул ребятам, и те отправились

следом за мной.

Нам предстояла сложная работенка.

Глава 3

Едва за мерзавцем захлопнулась дверь, как у меня подко-
сились ноги, и я просто свалилась на пол. Едва дыша, боясь
пошевелиться, не веря, что все это происходит на самом де-
ле.

Еще утром я была самой счастливой девушкой на свете,
а сейчас сидела на полу, как побитая собака, и затравленно
прислушивалась к удаляющимся шагам... своего хозяина.

Меня продали!

Просто так, как ненужную вещь! Как козу. Привели на ры-
нок и отдали тому, кто больше заплатил!

И кто продал?! Родные! Бабушка, дед. Отдали, не моргнув
глазом. Но хуже всего то, что они всегда хотели так посту-
пить. Растили, смотрели мне в глаза и прикидывали, сколько
смогут выручить за живой товар. За найденыша! Теперь по-
нятно, почему вчера она так настаивала, чтобы я все сделала
до поездки в город. Она знала, что я уже никогда не вернусь
домой, и ей придется все делать самой.

За что они меня так ненавидели? Или не было ненави-
сти? Просто отношение как к товару, который надо выраст-
тить, проследить, чтобы никто не попортил раньше времени,
а потом продать?

Черт, я продолжала думать о них как о бабушке и дедуш-
ке, а ведь они даже не родные. Я – найденыш.

В моей жизни хоть что-нибудь настоящее было?

Кое-как поднялась. Ноги дрожали. Сердце грохотала неистово, колоколом гремя в висках. О прошлом можно погоревать и потом, а сейчас надо решать, что делать дальше. Как-то выбираться из этой передрыги. Спасаться от НЕГО.

Маньяк проклятый! Это что у человека в душе творится, если он идет на рынок и покупает другого человека, словно безвольное животное? И ведь денег сколько выложил! На пять тысяч золотых можно всю жизнь прожить припеваючи, ни в чем себе не отказывая.

Снова горький укол в груди. На это бабка с дедом и рассчитывали. На долгую безбедную жизнь. Без меня. Я им не нужна. Я никому не нужна.

Не думать. Не вспоминать. Не оборачиваться.

Никто не позаботится обо мне, кроме меня самой.

Я осторожно подошла к окну и, немного сдвинув в сторону занавеску, аккуратно выглянула на улицу.

О, Боги! Что это за место?

Здесь все серое. Безликие здания, тяжелое низкое небо, площадь под окнами.

Перед домом собралась внушительная группа людей. Я пробежала взглядом по толпе, с нарастающим беспокойством отмечая, что большая часть собравшихся – это мужчины в военной форме. Суровые и не очень.

А что если меня притащили на потеху им?! От одной этой мысли подурнело. Голова закружилась, и мне пришлось вце-

питься в подоконник, иначе бы снова оказалась на полу. Я развлечение для всех? Или он оставит меня только себе?

Нашла среди них негодяя, что меня купил и притащил сюда, как козу на веревке. Он стоял вполоборота к окну, уперев руки в бока, и разговаривая с каким-то человеком, который, судя по всему, выше рангом и жестко его отчитывал.

Мой новообретенный кошмар был высоким и здоровенным, как бизон. Волосы до плеч темные, как смоль. Ястребиный хищный профиль. В каждом повороте, в каждом движении сила сквозит, уверенность.

Он будто почувствовал, что я смотрю. Замер на мгновение, а потом резко глянул через плечо, безошибочно найдя нужное окно. Я тихо пискнула и отскочила в сторону. Зажала себе рот руками, чтобы удержать истошный крик, рвущийся наружу.

Я не хочу здесь находиться! Я не хочу быть ничьей невольницей! Я хочу уйти отсюда. Хочу домой! Проклятье. Да у меня и дома нет. Если вернусь, то предприимчивая бабка еще раз продаст.

Едва утихшие слезы снова ручьями покатались по щекам, и я не могла с ними бороться. Кругом западня. Я одна, и никого нет на моей стороне. Мне было страшно. До такой степени, что хотелось забиться в угол, спрятаться и ждать, когда кто-нибудь спасет, вытянет меня из этой пучины.

Голоса под окнами стихли. Я снова аккуратно выглянула и убедилась, что воины уходят, и мой хозяин вместе с ними.

Это мой шанс. Надо бежать!

Я бросилась к двери, дернула ее что есть силы, но внезапно оказалась отброшенной к стене. Снова осторожно подкралась и попробовала выйти еще раз. Результат тот же: мгновение – и я в другом конце комнаты. Что-то отшвыривало меня, как никчемного котенка.

Магия.

Я всегда мечтала познакомиться с кем-то, кто умеет творить чудеса. Познакомилась. И мне это совершенно не понравилось. Зато теперь стал ясен смысл поговорки: бойтесь своих желаний, они могут сбываться. Мои желания и мечты исполнялись наперекосяк. Наверное, судьба собрала весь хлам, все мученья в один мешок и торжественно вручила мне его при рождении. Иначе чем объяснить вот это все?

Дальше было несчетное количество попыток вырваться из комнаты. Я билась, как птица в клетке, но ни дверь, ни окна не поддавались. Я не могла выйти, не могла сбежать, оставалось только сидеть и покорно ждать возвращения голодного чудовища.

Впервые в жизни я ощутила ненависть. Черную. Настоящую. Сконцентрированную на одном человеке. Мне нужно было обвинить кого-то в том, что мой мир сломался, разлетелся на осколки, и я выбрала его.

Я ненавижу его! И никогда не сдамся! Буду сражаться, чего бы мне этого ни стоило.

Сбегу! Найду способ выбраться из этой западни. Найду

способ вернуть себе свободу.

К вечеру я совершенно выбилась из сил. Все мои попытки вырваться на волю из этой проклятой комнаты с треском провалились. У меня даже слезы закончились – все выпала, пока давилась собственной беспомощностью и отчаянием. Осталась только пустота. Апатия. Потому я не придумала ничего лучше, кроме как сесть в углу, привалившись спиной к стене, и гипнотизировать несчастным взглядом окно, за которым медленно догорало блеклое солнце, и тусклый закат невыразительно разливался по небосводу.

Наверное, я задремала. Потому что стены вокруг меня растворились, стали прозрачными, и я оказалась в родной деревне.

Мне снился дом. Тропка между грядками, которые я вчера полола. Я шла по ней в длинном белом платье. На голове – венок из одуванчиков, в руках – букет нежно-розовых лилий. Настроение такое легкое, воздушное, что, кажется, стоит руки в стороны раскинуть – и взлетишь.

На пороге дома меня встречала бабушка. Как всегда хмурая. Губы недовольно поджаты, брови в одну линию сошлись на переносице. Я давно привыкла к тому, что она всегда неласкова.

- У нас гости, – ее голос раздавался словно через пелену.
- Какие?
- Сейчас увидишь, – и кивнула, чтобы я шла следом.

Я поднялась по ступеням в привычный дом, но немного притормозила на пороге, пытаюсь понять, откуда взялось это тревожное ощущение, которое ползло по рукам, мурашками забиралось по шее, заставляло ежиться.

В маленькой комнатке стоял гость. Один. Такой высокий и широкоплечий, что казалось, будто все остальное становится рядом с ним меньше. Я посмотрела на него испуганно и тут же попятилась, отступила бабке за спину, инстинктивно ища защиты у родного человека. Но вместо того чтобы помочь, она с необычайной силой схватила меня и швырнула к его ногам.

– Что происходит?! – я кричала. Меня никто не слушал.

Мужчина пригоршнями выкладывал из карманов монеты и сыпал их на стол, а бабка с дедом чуть не в драку их пересчитывали.

– Что это такое? – я снова кричала, но с губ срывался едва слышный писк.

– Плата, – холодно отозвался незнакомец.

– Вы что-то купили?

– Тебя, – он обернулся ко мне, и в его глазах расплывалась бездонная тьма.

Я дернулась и одновременно с этим открыла глаза. Обвела испуганным взглядом помещение, пытаюсь понять, где нахожусь. Странная комната. Незнакомые очертания предметов. За окном ночь.

Сон был жутким, а реальность еще ужаснее. Из сновиде-

ний хотя бы можно вынырнуть, а куда деваться от того, что окружало меня, затягивало, словно зловонная тряпина?

Где-то внизу зловеще скрипнула дверь.

От страха у меня пересохло во рту. Я сидела ни жива ни мертва, сжимала кулаки так, что ногти до крови впивались в ладони, и слушала, как тяжелые шаги раздаются на лестнице, поднимаясь все выше и выше. Кто-то зашел на второй этаж. Остановился. А потом не спеша направился к моей темнице.

Только не кричать! И не рыдать! Я поднялась на ноги, расправила плечи, пытаюсь сохранить хоть каплю достоинства. Не хочу закончить свою жизнь в соплях и мольбе о пощаде. Не дождется!

Когда ручка двери медленно опустилась, я забыла как дышать, вжалась в стену, мечтая провалиться в нее, сквозь нее, оказаться в другом месте, где не будет этого кошмара.

Дверь распахнулась. В проеме, тускло освещаемом коридорным светильником, появилась громадный темный силуэт. Не обращая на меня внимания, он шагнул внутрь. В потемках я едва различала, как он расстегивает пуговицы и медленно снимает рубашку.

О, Боги! Неужели он идет за мной? Несмотря на жалкие попытки быть сильной, я не сдержалась и судорожно вздохнула.

Спустя мгновение ледяное острое клинка вжалось мне в горло, и в комнате тут же стало светло как днем.

Напротив меня стоял ОН. Мой хозяин. Свирепый, как де-

мон из преисподней. В глазах плескалась та самая тьма, что привиделась мне во сне. Он стоял передо мной в одних штанах, весь в крови, сжимая в руках рукоятку чудовищного клинка.

Мне конец.

С тихим писком вжалась еще сильнее в стену и смотрела на него, умирая от ужаса, но не в силах отвести взгляд.

Пять секунд в комнате было тихо, как на кладбище, а потом его взгляд изменился. В нем проскочило узнавание.

– Эх ты ж, – выдохнул он, растерянно опуская клинок, – я забыл, что ты здесь.

Конечно. Зачем помнить о вещи, которую случайно приобрел на базаре?

Я старалась не пялиться на его тело, но взгляд сам опускался на широкую, словно высеченную из камня, тяжело вздымавшуюся грудь. От отвращения все кишки свились в тугой узел. Меня замутило из-за крови, которая вперемешку с чем-то черным покрывала его кожу. Три глубоких пореза, похожие на следы когтей жестокого хищника, шли от ключицы до самого пупка. Рваные края местами запеклись, но кое-где еще сочилась кровь. Порезов поменьше было несчетное множество.

Мужчина выглядел откровенно потрепанным и измученным. У меня даже мелькнула сладкая мысль, что сейчас он повалится на пол и сдохнет, а я стану свободной. Но, к сожалению, хозяин на удивление крепко стоял на ногах, несмотр-

ря на чудовищные раны.

– Завтра поговорим, – произнес хрипло, будто через силу, – мне надо лечь.

Не дожидаясь моей реакции, он просто направился к кровати, тяжело опустился на нее, скинул обувь и, шипя сквозь зубы от боли, растянулся прямо поверх покрывала. Спустя миг до меня донеслось его размеренное дыхание.

Я по-прежнему стояла у стены, боясь пошевелиться, и не знала, что мне теперь делать.

Это была моя первая ночь в роли невольницы. Самая первая и самая жуткая в моей жизни.

Незнакомое страшное место, небо за окном, не черное, а какое-то муторно-серое, неприятное. Страшный мужчина, спящий беспробудным сном, отвернувшись лицом к стене. Я прислушивалась к тяжелому дыханию, вспоминала его чудовищные раны и искренне полагала, что до утра он не протянет.

И что тогда? Кто вызволит меня из этой западни? Обрету ли я свободу после его гибели или по наследству перейду к кому-то еще? Дурные мысли не давали спать. То тянущиеся, липкие, то острые, словно лезвие клинка, слегка оцарапавшее мою шею.

Я снова забилась в угол, обхватила колени и, не отрываясь, смотрела на кровать, с трудом различая темный силуэт хозяина. Дурацкое новое платье впивалось резинками в бо-

ка, чужие сандалии натерли ноги, красивая коса давно превратилась в помело.

С днем рождения, Киара. Праздник удался на славу. По щекам снова покатались слезы. В этот раз медленные, обреченные, горькие на вкус. Мне казалось, что я не смогу заснуть, но измученный организм взял свое. Веки налились, стали тяжелыми, и удушливый сон, не торопясь, принял в свои объятия.

А потом настало утро.

Я долго не могла заставить себя открыть глаза, надеясь, что все вчерашние события, просто окажутся ночным кошмаром. Глупые надежды.

Здесь даже воздух был другим: горьковатым, приправленным запахом гари.

С кровати донесся протяжный зевок, окончательно вернувший меня в реальность. Мерзавец, который выкупил меня на невольничьем рынке, все еще жив. К сожалению. Или к радости. Не знаю. Может, если бы он откинулся, мне бы достался кто-то пострашнее. Хотя куда уж страшнее? Стоило вспомнить, с каким холодной яростью он смотрел на меня вчера, когда покупал.

Вчера... Кажется, уже вечность прошла.

Из-под полуопущенных ресниц посмотрела на кровать.

ОНО пошевелилось, с шумным вздохом потерло лицо, еще раз зевнуло, село и осмотрелось, тут же заметив меня,

притаившуюся в углу.

Я кожей чувствовала, как он смотрит, ощупывает взглядом, пытается проникнуть внутрь, под кожу, в самую душу.

– Я знаю, что ты не спишь, – охрипшим голосом произнес.

Притворяться дальше не было смысла, поэтому открыла глаза и равнодушно посмотрела на хозяина. Видок у него был еще тот. Весь грязный, в запёкшейся крови, с торчащими в разные стороны волосами. Сегодня он был еще ужаснее, чем накануне. Просто оживший кошмар.

– Ну давай, что ли, знакомиться, – теперь голос звучал насмешливо. – Я Хельм.

Даже имя у него какое-то страшное. Хельм. Теперь я буду так звать всех чудовищ, являющихся мне во сне.

Хельм.

– А ты... – он вопросительно посмотрел на меня, ожидая ответа.

Мне показалось, или в его глазах действительно клубилась тьма?

От жуткой чумазой физиономии по спине побежали мурашки. Нельзя его злить. Вряд ли хозяин будет снисходителен, если его собственность начнет брыкаться и показывать характер, а мне нужна его снисходительность, потому что я хочу сбежать, вырваться из плена и вернуться к свободной жизни.

– Киара, – ответила, едва шевеля пересохшими губами.

– Приятно познакомиться, – чудовище улыбалось.

Смотрело на меня и улыбалось, а я от ужаса хотела провалиться сквозь землю. Наверное, он что-то прочитал в моем взгляде, потому что нахмурился и опустил свой на свое тело. Провел ладонью по крепкому животу в тщетной попытке стереть грязь и кровь, а когда не вышло, раздраженно дернул плечами. То, что произошло дальше, просто не укладывалось в голове. Какая-то секунда, жалкий миг – и он преобразился. На коже не осталось следов ни крови, ни черных пятен, ни рваных ран. Мужчина был абсолютно здоров. Цел и невредим.

От неожиданности я вскочила на ноги. Он тоже поднялся и встал напротив, чуть склонив голову набок, будто оценивая свою покупку. Позабыв о смущении и правилах приличия, я пялились на его обнаженный торс. Шарила взглядом по груди, покрытой легкой порослью, по плоскому животу с рельефно вылепленными мышцами, по рукам. Ни единой царапины!

– Красавец, правда? – самодовольно усмехнулся он, и у меня создалось впечатление, что кто-то надо мной просто потешается.

В полнейшем замешательстве я отвернулась от него к окну, пытаясь понять, что за чертовщина творится.

Хельм оделся. Когда я снова обернулась, на нем уже была клетчатая рубашка и темно-синие брюки.

Тут мой желудок протяжно забурлил, напоминая о том, что он все еще здесь, и что было бы весьма неплохо в него

что-нибудь закинуть.

– Ты голодна? – удивленно спросил мужчина.

Тут я не удержалась и выразительно стрельнула в него взглядом.

– Черт. Я вчера совсем забыл.

– Конечно, зачем кормить зверюшку, купленную на базаре по дешевке, – пробурчала я.

– Не так уж и по дешевке, – весомо возразил он, – на пять тысяч золотых можно купить целое поместье где-нибудь в глуши.

– У тебя, наверное, просто никогда не было домашних животных, – я не удержалась от едкого замечания, стараясь не думать о той сумме, что он без малейшего колебания спустил на меня, – Так вот. Они тоже хотят есть.

Когда я сравнила себя с домашним животным, Хельм нахмурился и с досадой мотнул головой.

– Чего ты хочешь? Только не говори, что овса и воды, или сахарную косточку.

– Мне все равно.

Несмотря на сосущий голод, я была не уверена, что смогу проглотить хотя бы кусок.

– Тогда на мое усмотрение, – лениво повел бровью, и на столе тотчас появилась еда: фрукты на подносе, мясо в темном густом соусе, ароматный, еще дымящийся отварной картофель, посыпанный зеленью.

Желудок снова нетерпеливо заурчал, а рот наполнился

слюнями, и все-таки я не могла не задать один вопрос:

– Как ты это сделал?

– Я джинн, Киара, – спокойно ответил он и потянулся за багровым яблоком.

Джинн? Вот уж поистине бойся своих желаний. Хотела посмотреть на магию поближе? Пожалуйста.

– Ешь, – он кивнул на стол, но я даже не пошевелилась, хотя была чудовищно голодна.

Новость о том, что мой новоиспеченный хозяин не просто зарвавшийся мерзавец, а еще вдобавок и джинн, вышибла меня из колеи. Что если он превратит меня в козу? А вдруг я нужна ему для зловещих ритуалов? Или демону не хватает ингредиентов для ядовитого зелья? Например, моих глаз? Или сердца? Не просто же так он меня купил бешеные деньги!

– Ты так усиленно думаешь о том, что сейчас с тобой сделают, что я почти слышу твои мысли, – прохладно произнес Хельм.

– И что же со мной сделают?

Возможно, мне следовало упасть на колени и ползать у него в ногах, прося пощады, обещая быть преданной и выполнять любые его прихоти, но вместо этого я устояла и по-волчьи и приготовилась услышать самое худшее.

– Во-первых, я собираюсь тебя накормить, – он взял у окна стул и поставил его к столу. – Во-вторых, нам надо решить вопрос с жильем. Конечно, если хочешь, можешь оста-

ваться у меня, но, думаю, это будет не очень удобно. Вернее, совершенно неудобно. Для всех...

Ну точно, решил отдать меня на потеху всем остальным.

– В-третьих, и это самое главное, нам надо все-таки поговорить. Судя по твоим глазам, ты такого успела нафантазировать, что мама не горюй, – последнюю фразу джинн произнес таким серьезным тоном, что мне стало не по себе.

Да и как иначе? Одна, неизвестно где, во власти огромного страшного мужика, который с оружием управляется так же легко, как со столовыми приборами, и для которого в порядке вещей завалиться ночью в крови и жутких ранах.

Он меня пугал до дрожи в ногах.

– Садись, – снова указал на стул.

С этот раз я не стала сопротивляться и покорно села, сложив руки на коленях и стараясь не смотреть на стол. Мясо так вкусно пахло, что урчание в животе становилось просто невыносимым.

– Да ешь ты уже! – цыкнул на меня джинн. – А то сам буду кормить.

– Не надо! – поспешно отозвалась я и потянулась за кусочком мяса.

Подцепила вилкой самый маленький и аккуратно перенесла на свою тарелку.

Хельм, как назло, никуда не собирался уходить и хмуро наблюдал за тем, как я отщипывала маленькие кусочки и чинно их жевала, хотя больше всего на свете хотелось схва-

тить самый большой ломоть и грызть, урча от удовольствия. Глупо и смешно, но мне было стыдно выглядеть в его глазах невоспитанной, жадной до еды деревенщиной, поэтому продолжала манерничать вплоть до того момента, как он флегматично произнес:

– Сейчас точно буду кормить, – и шаг ко мне сделал.

Я отпрянула от него, да так стремительно, что чуть со стула на пол не шмякнулась. Деревянная спинка протестующе закрипела, а одна из ножек подозрительно поехала в сторону.

– Я сама! – и чтобы больше не провоцировать это чудовище, действительно схватила самый большой и сочный кусок и впилась в него зубами.

– То-то же, – Хельм удовлетворенно кивнул и отошел в сторону, ненадолго оставив меня в покое.

Теперь, когда я была с набитым ртом, чумазыми руками и подтеками на подбородке, было уже поздно строить из себя породистую барышню. Да и не была я никогда такой. Киара из деревни. «Внучка» толстой Мери и вечно пьяного Ормаса. Я не знала, как себя ведут эти самые породистые барышники, но одно представляла крайне четко – на сытый желудок бороться лучше. Надо запастись силами. И если джинн так настаивает, то пожалуйста! Наемся! До отвала.

Главное, чтобы не отравил.

Остановиться я все равно уже не могла. Мне было настолько вкусно, что я взяла еще один кусок, а следом еще.

Положила большую картофелину, размяла ее вилкой и щедро полила растопленным маслом.

Стыдно признаваться самой себе, но еще никогда в жизни мне не доводилось так вкусно завтракать. Бабушка готовить не любила и не умела. Дед вообще никогда к печке не подходил. Да и не из чего было особо готовить. Моркови и свеклы в огороде надергаешь – вот и ужин. Из мяса – только обрезки, которые соседи продавали после того, как козла вонючего зарубят. Еще были куриные головы, да лапы, иногда требуха всякая. Свинину – только издали видала, про говядину – вообще молчу. Такое мясо нам было не по карману, а родственники были слишком ленивы, чтобы самим выращивать телят.

Поэтому я ела. Запретила себе думать о дальнейшей судьбе и уплетала за обе щеки, да так, что только треск стоял.

Боги, как же вкусно!

При этом не забывала краем глаза наблюдать за хозяином, который непринужденно перемещался по комнате, поправлял кровать, наводил порядок, делая вид, что меня в комнате нет.

Маленькие темно-бордовые ягодки оказались такими сладкими, что я от удовольствия прикрыла глаза. Не знаю, что это такое, но на вкус – просто божественно!

– Это виноград, – раздался спокойный голос совсем близко.

Открыв глаза, я обнаружила, что джинн уже сидит на-

против меня и лениво подкидывает по одной ягоде, ловя их ртом.

Аппетит тут же пропал. Я аккуратно отложила вилку в сторону, вытерла лицо салфеткой и выжидающе уставилась на невозмутимого Хельма.

– Все? Готова разговаривать?

– Готова, – голос не слушался, звенел.

Он кивнул, и со стола тут же все исчезло, вызвав у меня глухое разочарование. Верните ягоды!

– Итак, ты, наверное, задаешься вопросом, зачем я тебя купил...

Еще как задаюсь.

В ответ лишь настороженно кивнула.

– Просто так.

Да, конечно! Охотно верю.

– Я просто не хотел, чтобы тебя купил какой-то старый извращенец.

Естественно. Что со старого извращенца взять? Скучно! Молодой извращенец гораздо лучше!

Видать, лицом я совсем не владела, потому что Хельм нахмурился, впившись пронзительным взглядом в мою пунцовую физиономию.

– Ты вообще не о том думаешь.

– Можно подумать, тебе известны мои мысли.

– У тебя на лбу все написано. Ты считаешь меня маньяком, питающимся кровью юных девственниц, попутно измы-

вающимся над ними в постели.

Черт, что ж он такой прямолинейный? Нельзя же так! Я же девочка! Я смущаюсь!

Давясь мучительным стыдом, я почувствовала, как горячий румянец заливает сначала шею, потом щеки, а потом доходит до кончиков волос.

– Ой, беда, – протянул Хельм, качая головой, – давай проясним. Я вообще не помню, как оказался в этом поганом Кемаре. И у меня точно не было цели занять себе обузу в виде перепуганной девчонки. И твоим хозяином я стал по чистой случайности. Потому что... – он замялся, – потому что пожалел. Ты мне не нужна. Совершенно. И я не собираюсь тебя использовать ни по одному из тех назначений, которые ты себе выдумала. Поняла?

Красиво говорил. Уверенно. Только после того, как меня продали собственные родственники, я перестала верить чьим бы то ни было словам. И уж тем более не собиралась верить «случайному» хозяину.

– Я тебя отпущу.

– Когда? – тут же задала встречный вопрос.

– Не сейчас, – уклончиво ответил он, отведя взгляд в сторону. Что и требовалось доказать. – Чуть позже, но точно отпущу. Веришь? – снова посмотрел. В этот раз с надеждой.

Я замялась. Очень хотелось выкрикнуть «нет!», но вместо этого тихо прошептала:

– Верю.

Хельм удовлетворенно кивнул и поднялся на ноги:

– Вот и славно. А сейчас мне надо уйти, – похоже, он посчитал разговор исчерпанным. – Пойду получу еще один нагоняй за то, что притащил тебя сюда, и попробую добиться, чтобы выделили дополнительную комнату. Не скучай, – махнул рукой и бодро направился к двери, и через секунду я снова осталась одна.

Конечно же, я не поверила ни единому слову нахального джинна и при первой же возможности собиралась сбежать. Уж лучше так, чем ждать какого-то призрачного освобождения и надеяться на его порядочность.

Глава 4

– Оклемался? – по-деловому спросил Овеон, когда я пришел в штаб.

Он как раз расставлял на макете долины новые метки. С тех пор, как ведунья начала наводить порядок у Барьера, картина существенно изменилась. Столбы, которые она починила, теперь были отмечены голубыми звездами, часть черных пятен вблизи них безвозвратно исчезла. Когда Ксана вернется, мы попытаемся добрать до остальных деларов и так же накачать их энергией под завязку.

Возможно, тогда ситуация станет исправляться, и Вдовье Озеро – самое большое черное пятно на карте – потеряет свою силу. Семьдесят процентов прорывов происходит именно возле него. Там грань настолько тонка, что твари раз за разом пробиваются к нам. Сначала вылезает какая-нибудь зараза, которая способна поддерживать разрыв с нашей стороны. Прячется, маскируется так, что не найдешь, и начинает выкачивать остальных.

Как раз отловом такого первопроходца я вчера и занимался. Это оказался прядильщик, причем не один, а сразу трое. Они притаились на востоке от Вдовьего Озера, распластавшись на дне маленьких луж, и помогали своим сородичам разрывать пространство.

– Да что со мной может случиться? – я равнодушно пожал

плечами.

– Порой ты слишком беспечен, – командующий недовольно покачал головой, – в этот раз тебя хорошо приложили. Я думал, тот прядильщик тебе кишки выпустит.

– Я должен был прикрыть ребят.

– Твои ребята – здоровенные бизоны, которые не нуждаются в защите. Они сами должны всегда быть начеку, а не хлопать клювами и не прятаться за тобой.

– И это мне говорит человек, который в одиночку бросился на целую свору мильганов, лишь бы вывести своих людей из пятна.

Овеон только крикнул. На мои слова ему нечего было возразить.

– Ты не бессмертный, джинн. Когда-нибудь твоя безрасудная отвага закончится плохо.

– Надеюсь, это будет нескоро, – я только ухмыльнулся, чем вызвал очередной недовольный рык командующего, – я еще собираюсь повоевать вдоволь.

– Дождёшься, Хельм. Закреплю тебя за кухней. Навсегда. Будешь котлы натирать да посуду драить.

– Мне и недели хватит. Или, может, вы передумали? Может, без наказания обойдемся?

– Мечтай больше! Наглец! – Овеон снова одарил меня возмущенным взглядом. – Додумался тоже! Притащил свою девку в лагерь.

– Она не моя...

– Не твоя? А чья тогда? Может, для коллективного пользования ее привел?

– Ладно, моя, – пораженчески развел руками, – это вышло случайно. Я проснулся в Кемаре...

– Как тебя туда занесло?

– Не спрашивайте. Не знаю, – усмехнулся я, – честно пытался вспомнить и не смог.

– Допрыгаешься ты у меня, Хельм. Ох и допрыгаешься, – снова крякнул командующий.

– В общем, проснулся, осмотрелся, – продолжал я, – и решил на пять минут заскочить в торговый дом. Посмотреть, может, что интересное продают.

– И купил девчонку. Молодец.

– Ее, между прочем, продавали как девочку-дракониду.

Тут командующий впервые искренне удивился:

– Драконида? Серьезно? Настоящий?

– Да нет, конечно. Обычный человек. Какие-то забулдыги нашли ее на берегу Лазоревого Озера, ну и решили, что она именно такая. И вместо того чтобы, как полагается, отнести найденныша в приют, они оставили ее себе, чтобы вырастить на продажу.

Овеон брезгливо сморщился.

– Вот твари.

– Я так же подумал. Жалко было девочку, но покупать ее не хотел. Даже собирался уходить, потому что браслеты горели. А потому услышал, как мужики ее обсуждают, ну и в

общем... вот... купил.

– Спаситель хренов, – насмешливо хмыкнул он, – уж не тебе прекрасных дам от мужского внимания спасать. Не тебе. Еще неизвестно, где бы она целее осталась.

– Не смешно, – угрюмо посмотрел на веселящегося Овеона.

– Никто и не смеется, Хельм. О твоих похождениях можно легенды слагать.

– Преувеличиваете. Я скромненький, как мальчик из монастыря.

– Это потому, что тебе здесь развернуться негде, – он явно забавлялся, бессовестно пользуясь тем, что старше по званию, и я не могу просто взять и заткнуть его. – Тебя же вообще нельзя с поводка спускать.

– Между прочим, джиггеры – однолюбцы, – напомнил ему прописную истину, – как только появляется та самая, мы забываем остальных.

– Угу, и поэтому стараетесь как можно больше девок попортить до того момента, как та самая появится и посадит под замок. Знаю я вас, – он только рукой махнул, а потом вздохнул горестно. – Так что недолго бедной овечке от одиночества страдать.

– Я не трону ее. Никогда. Она такая... такая...

– Особенная? – подсказал командующий.

– Жалкая. И несчастная.

– Надо же какой. Спасти спас, а утешать не собирается, –

Овеон теперь долго не уймется, будет подкалывать при каждом удобном случае, – как хоть зовут бедолагу?

– Киара.

Красивое имя. Мне понравилось. И волосы понравились – рыжие, как хвост лисицы. И глаза тоже красивые – голубые, светлые. Странное сочетание, обычно все рыжие, как ведьмы, зеленоглазые, а у этой не глаза – озера.

Возможно, Овеон в чем-то и прав.

Я раздраженно снял с карты одно чёрное пятно – эта лужа исчезла, когда прядильщиков на тот свет отправили.

– Вообще-то я по делу пришел. Хочу разрешение получить на еще одну комнату. Для нее. Вместе нам жить точно не стоит. Неудобно.

– Переживете. Ты ее притащил, ты ее и устраивай. Лишних комнат в Дестине нет. Все на учете, готовы принять новобранцев. Если хочешь, можешь отвести ее в казармы. Там, может, найдут лишнюю койку.

Казармы? Э, нет. Такой расклад нам точно не подходит.

– Может, есть еще какие-то варианты? – поинтересовался без особой надежды.

– Нет вариантов. Ни единого. На что ты рассчитывал, приводя ее с собой в военный лагерь? На то, что хоромы дадут? Здесь есть место только для тех, кто полезен. Так что, увы, – он отказал без малейшего колебания, даже не поморщился, – ты же джинн, придумаешь что-нибудь. А вообще мне непонятно, почему ты не отпустил сразу после покупки, раз

такой добрый?

– Смысла в этом не было. Ей бы даже из города не дали выйти. Родственнички бы снова поймали и по второму кругу продали. Поэтому пришлось взять с собой.

– Ну раз пришлось, то терпи. Сам виноват.

– Сам виноват, – бурчал себе под нос, возвращаясь обратно.

Кто же знал-то, что я на самом деле такой жалостливый и не могу пройти мимо сирот и убогих? Хотя, если вспомнить, то я всю жизнь котят всяких из помоек вытаскивал, зверье у браконьеров забирал и выпускал на волю. Но это же не зверье! Это девчонка! Хоть и рыжая, как лиса.

Со зверюшками проще. Накормил, напоил, за ухом почесал, цепь обрубил и все. Они счастливы, я счастлив, и все свободны. И никаких обязательств.

А с рыжей что делать? Ладно, с пунктом «накормить» я справился. Джинн, как-никак. А дальше что? Ее же так просто не отпустишь. Куда она пойдет? С дорогим родственникам, чтобы еще раз продали? Или развлекать забулдыг в какой-нибудь дыре?

Тут же рыжая перед глазами возникает, и я понимаю, что не хочу для нее такой участи.

Может, у нее еще кто есть? Кто-нибудь не такой мерзкий? Дальние родственники? Снова одернул себя. Ну какие родственники! Ее на берегу нашли, брошенную нерадивой ма-

машей.

Может, друзья? Ну хоть кто-то должен быть, кому на нее не наплевать?

Я ни черта о ней не знал. Мне не хватало данных, чтобы делать выводы и планировать дальнейшие действия. Похоже, нам надо сесть и обстоятельно поговорить. Обо всем. Обсудить ее положение, дальнейшие перспективы, и не так скомкано, как это произошло утром, а серьезно, по-взрослому. Даже несмотря на то, что она боится меня до одури.

Я прекрасно видел, как рыжую утром перекосило, стоило мне только подняться с кровати. Такое ощущение, что она только и ждала, когда наброшусь, вздрагивала от каждого движения. Я уж не стал лезть к ней с разговорами, с долгими бесполезными объяснениями и прочей чепухой. Не поверит. Никто бы на ее месте не поверил. После того, что с ней произошло, будет чудом, если она вообще когда-нибудь кому-нибудь начнет доверять. И уж точно это будет не мужик, который купил ее на невольничьем рынке. По-моему, она даже расстроилась, что я ночью копыта не откинул. Хорошая девочка. Хотя с чего ей, собственно говоря, быть доброй?

– Хельм! – раздался голос Али, когда я уже почти добрался до дома.

Вот только его не хватало!

Сделал вид, что не слышу, и припустил быстрее, наивно надеясь скрыться. Вчера ребята смолчали, не до разговоров было, но сегодня точно прицепятся с расспросами, а мне и

Овеона с его нравоучениями хватило. Поэтому быстро-быстро, чуть ли не бегом, заскочил в дом, взлетел вверх по лестнице и ворвался в свою комнату так, будто за мной черти гнались. И тут же замер, попав под испуганный взгляд голубых глаз.

Киара, как бедная родственница, сидела в уголке и пыталась пальцами причесать непослушные огненные волосы. При моем появлении она вскочила.

– А вот и я! – прозвучало глупо и нелепо радостно.

Она только моргнула и к стене прижалась.

– Как дела? – еще глупее. Эх, я и молодец! Просто дуб раскудрявый.

Следом за мной, таким бодрым и шумным, в комнату без стука ввалился Али. У нас как-то не принято церемониться. Все свои. Только Киара об этом не знала. Если при моем появлении она всполошилась, то второй джинн ее чуть ли не до обморока довел.

– Здравсте! А я вот знакомиться пришел! Посмотреть, что за сокровище Хельм ото всех прячет.

Приду-у-у-урок!

Сокровище что-то пискнуло и, прижав руки к груди, отступило к окну.

– Извини, – буркнул я и за шкирку вытащил из комнаты сопротивляющегося Али.

Тот явно не хотел уходить и горел желанием продолжить общение.

– Да уймись ты! – рявкнул я на него так, что стены задрожали.

– Так интересно же!

– Интересно ему! Девчонка и так в полуобморочном состоянии, еще и ты тут со своими интересами. Тебе заняться нечем?

– Нечем.

– Иди за меня на кухню! Меня от повинности избавишь, а заодно и развлечешься.

– Еще чего, – хмыкнул он и, вытянув шею, попытался рассмотреть за моей спиной перепуганную пленницу. – Хорошенькая!

– Отстань ты от нее! – захлопнул дверь, чтобы не пялился на Киару.

– Жадный.

– Да при чем тут жадный?! Она и так от меня шарахается, а еще ты тут со своими смотринами. Вот когда придет в себя, тогда и познакомитесь!

– Да я от любопытства помру, – приятелю было весело.

Он вообще из нашей четверки самый неунывающий. Иногда даже не в меру.

– Давай, до вечера. После того, как меня отпустят с каторги, я вас всех соберу и все вам расскажу, – я справедливо рассудил, что джинны не отстанут от меня. Проще собрать их в одном месте, провести разъяснительную беседу один раз и для всех сразу, – А до этого времени просто не дергайте,

ни меня, ни ее. Тем более – ее! Понятно?

Али был готов спорить, но под моим свирепым взглядом все-таки заткнулся.

– Вот и славно, иди, – подтолкнул его в сторону лестницы, а сам шагнул к двери и даже успел ее приоткрыть, – а мне сейчас предстоит серьезный разговор.

– Знаю я твои разговоры, – загоготал Али и вприпрыжку понесся вниз.

Киара все так же стояла у окна и смотрела на меня, как кролик, загнанный в ловушку.

– Прости за вот это, – кивнул через плечо, – Али хороший парень. Но иногда весьма беспардонный...

Она смолчала, только продолжала за мной наблюдать, словно ждала, что вот-вот наброшусь.

– У меня не очень хорошая новость, – начал извиняющимся тоном, – в комнате мне отказали. Так что придется нам пока пожить бок о бок...

В голубых глазах проскочило что-то похожее на панику.

– Ты не переживай. Места хватит, – я начал торопливо бубнить, пытаясь ее как-то утешить, – мы тебе постель организуем... Вот тут. – Осмотревшись, выбрал самый отдаленный угол. – Я ширму поставлю... с цветочками...

Твою мать, ну какие цветочки?! Ей сейчас все равно, хоть цветочки, хоть черепа козы.

Она снова молчала.

Проклятье! Лучше бы ревела, орала, билась в истерике, а

то молчит, как мышонок, и, того гляди, со страху откинется.

– Нам нужно поговорить, – попытался произнести это как можно убедительнее, чтобы настроить ее на конструктивное общение, – пора кое-что прояснить, чтобы не было недосказанности и проблем...

И тут из громкоговорителя на всю Дестину разнесся раскатистый голос Овеона.

– Напоминаю! Котлы сами себя не отмоют, Хельм! Так что оторвись от того, чем ты там занимаешься, и иди на кухню немедленно! Иначе неделя превратится в месяц. А заодно и улицы подметать будешь. Поторопись, повелитель юных дам!

Да ё-моё! Надо мной точно все ржать будут.

– Немедленно! – снова прогремел он. – У тебя одна минута. Время пошло.

Да чтоб вас всех с этой кухней!

– Прости, – извинился еще раз, – мне надо идти. Вернусь – точно поговорим.

И снова в ответ тишина. Это уже начинало раздражать. Я не привык общаться с каменной стеной, мне отклик какой-нибудь нужен.

Постоял в нерешительности пару секунд, не зная, что еще сделать, чтобы взгляд голубых глаз смягчился. Потом махнул рукой и отправился на выход, по пути сотворив на столе поднос с едой.

Мытье посуды...

В обычное время скучнее занятия просто не найти, но сегодня я был даже рад. Оставшись наедине с горой тарелок, я мог спокойно обо всем подумать. Мысли плавно кочевали от последнего разрыва до ведуньи, которая обещала вернуться в следующем месяце. С ней, конечно же, притащится блондин и снова будет смотреть на меня, как на врага народа. Раздолбай ревнивый. Надеюсь, Ксана за этот год хоть немного перевоспитала его.

Может, с ними вернется и ледяной. В последнем письме он очень интересовался, как дела у Барьера, и хотел лично посмотреть на восстановленные делары. Если Джер появится, то наверняка с ним пожалует и феечка. Сто лет не виделись, хоть посмотреть на нее, пообщаться.

Кстати, и Элька собиралась приехать.

Полный комплект. Как в старые добрые времена. Будет весело.

Потом мысли перекочевал к Лифару. Мы собирались завтра облететь долину по северному краю, проверить дальние рубежи. Но теперь я на дежурстве, главный по тарелочкам. Надо притащить для него чего-нибудь вкусного в качестве извинения.

Но о чем бы я ни думал, чем бы ни пытался забить себе голову, все равно возвращался к рыжей девчонке в своей комнате. Мы так и не поговорили. То ли из меня дипломат настолько непутевый, то ли она сидит в глубоком окопе, но

мы и на шаг не приблизились к решению проблемы.

Да и когда?! Ни минуты покоя. То одно, то другое!

Вечером вот с ребятами собрался встретиться. Значит, опять рыжая будет предоставлена самой себе. Хотя, наверное, так даже лучше. Пусть отдохнет, свыкнется. Может, тогда ее перестанет перетряхивать от страха в моем присутствии.

Это почему-то вызывало глухое раздражение. Я ей ничего плохого не сделал, наоборот – вытащил из такого болота, после которого в жизни не отмоешься. Спас, так сказать, а она только молчит и шарахается.

В общем, я потратил уйму времени и всю свою фантазию на составление плана разговора, который должен был, во-первых, успокоить ее, во-вторых – вселить веру в людей, а в-третьих – убедить, что все будет хорошо. Конечно, то, что случилось с ней – это катастрофа, но, с другой стороны, лучше уж вот так: избавиться от дорогих родственников и выбрать новую дорогу, пока впереди еще вся жизнь.

Не успел я посуду помыть, как пришло время снова ее пачкать. Повара сначала отнесли в зал большой котел с мясной похлебкой, котлы поменьше с рисом и вареной курицей, подносы с хлебом. Потом мне пришлось таскать стопки отмытых тарелок и ящики со столовыми приборами. Постепенно на ужин начали подтягиваться воины, маги и все остальные.

– Хельм, – позвал главный повар, мистер Розвел, – неси

еще.

– Неси еще, – передразнил, бухтя себе под нос, и вышел из подсобки в зал, неся в руках очередную стопку.

За ближайшим столом устроились Али, Лаир и Бука. При моем появлении они начали смеяться. Ну что за придурки?! Завтра выгоню на тренировку и буду истязать до тех пор, пока замертво не упадут и не начнут просить пощады! А я буду ходить вокруг и ржать!

Другие войны тоже бросали на меня любопытные взгляды и тихонько посмеивались. Чувствую, теперь за мной по пятам долго будет ходить слава рабовладельца.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как с обреченным видом сновать туда-сюда: то в зал, то из зала. Таскать тарелки, приборы, что-то мыть, менять полотенца. И это еще только первый день! А мне здесь позориться еще неделю.

Спустя еще полчаса в столовой появился Овеон. Он никогда не ел отдельно, всегда со своими людьми, всегда из одного котла. За это его уважали еще больше. За то, что не прятался за закрытыми дверями и не поедал втихаря деликатесы, а был наравне со всеми.

– А что такой кислый, джинн? – насмешливо поинтересовался он, когда оказался рядом с раздачей. – Устал, бедный? Ничего. Это полезно. Для развития дисциплины. Кстати, розовый цвет тебе очень к лицу.

Чего? Какой розовый? Я непонимающе уставился на командующего. Он только кивнул на мою одежду и, взяв тарел-

ку, отошел в сторону.

Я опустил глаза и чуть не выругался во весь голос. Розовый передник? Серьезно?!

По залу опять прокатились смешки.

Чувствуя, что еще немного, и во мне проснется желание убивать, я развернулся к другим джиннам, которые даже не думали делать вид, что они тут ни при чем.

Ну все. Я буду мстить. И мстя моя будет ужасна. Особенно для Али. Точно он сделал! Чувствую его тень.

Медленно провел пальцем поперек горла, весьма прозрачно намекая, что они допрыгались. Троица не прониклась и продолжала веселиться. Конечно, трудно выглядеть грозным, когда ты стоишь весь такой красивый в розовом передничке. Еще и чепца с оборочками не хватает для полноты картины! Хотя...

Порывисто сдернул с головы шапку, обязательную для всех работников кухни. Твою мать! Так и есть! Розовая, с оборками.

Джинны уже ржали в голос, смахивая выступившие на глазах слезы.

Я зарычал, скомкал несчастную шапку и ушел на кухню. Ладно. Я еще отыграюсь! Придумаю что-нибудь «веселенькое». Вот только с посудой этой дурацкой разобраться надо.

Овеон очень жестко следил за тем, чтобы провинившиеся всегда отрабатывали наказание по полной программе, не прибегая к магии. В прошлый раз, когда я создал щетку, ко-

торая сама мыла баки, он заставил меня драить весь зал, а потом еще и полотенца стирать. А я боевой джинн! Я не люблю стирать! Я люблю с клинками наперевес и в битву. Именно поэтому Овеон всегда и придумывает для меня такие наказания. Чтобы дисциплину развивать. Помогало. После того как перемоешь десять дюжин тарелок, совершенно нет желания косячить и повторять отработку.

Вечер прошел так же скучно и монотонно, как весь этот день. Но прежде, чем идти к своим парням, я решил наведаться домой и проверить, как там поживает моя рыжая ответственность. Успокоилась? Пришла в себя? Готова к диалогу? Ведь наверняка вопросов у нее тьма-тьмущая. Пусть задает, отвечу на все предельно честно.

Памятуя о том, как нервно она себя ведет при моем появлении, я сначала аккуратно постучал по косяку, предупреждая о своем намерении войти, и только после этого открыл дверь.

– Привет. Я вернулся.

Только это совершенно никого не интересовало. Потому что в комнате было пусто. Рыжая исчезла.

Я проверил уборную, зачем-то заглянул под кровать, за шкаф и убедился, что ее действительно нет.

И как это понимать? Куда она могла пойти?

Холодные когти дурных предчувствий сжали сердце.

Рыжая наверняка решила уйти из лагеря. Она же не в курсе, что за его пределами долина, полная черных озер, тварей

и прочей нечисти! Я не успел ей об этом рассказать!

Эх, и хреновая из меня нянька получилась...

Какого черта я снова не запечатал дверь? Почему по за-
травленному взгляду девчонки не понял, что она попытается
улизнуть? Понадеялся, что будет сидеть и преданно ждать,
только потому, что я так сказал?

Идиот. Просто идиот.

Ругая себя последними словами, я выскочил на крыльцо
и бросил привычную поисковую сеть, отчего пространство
тут же пошло рябью, преобразилось, показывая то, что скры-
то от обычных глаз. Тут же стало видно, как светящаяся го-
лубым вереница следов сорвалась с крыльца и завернула за
угол дома. Каждый след яркий, четкий, еще не перекрытый
чужой аурой. Значит, рыжая поганка сбежала совсем недав-
но. Может, полчаса, может, час.

В груди неприятно заломило. Это в обычном мире полча-
са и час – мелочи, а здесь, у барьера, тебя и за пять минут
сожрать могут, особенно если ты бестолковая девчонка, бе-
гущая не пойми куда, вытаращив глаза. Оставалось только
надеяться, что она притаилась где-нибудь в лагере, а не ри-
нулась прочь в неизвестность.

Я бросился по следам, на ходу читая каждое ее действие.

Вот тут Киара перелезла через изгородь, присела за ней,
наверное, скрываясь от врагов, а в том, что всю Дестину она
воспринимала, как вражье пристанище, сомнений не было.
Я не стал долго рассматривать это место, а поспешил дальше,

по голубой мерцающей дорожке, петлявшей между домов.

Здесь она остановилась, явно раздумывая, куда идти. На- лево – драконье пристанище, направо – казармы. Они пока- зались ей более безопасными, чем лежище гигантских яще- ров. Поворот, еще один поворот, все дальше от центра, все ближе к краю.

Я уже бежал вперед, не обращая ни на кого внимания. Ко- го-то сбил с ног, на ходу крикнул «извините» и дальше, на- деясь, что еще не поздно. Мне что-то кричали вслед, а я да- же не оборачивался, боялся хоть на миг оторвать взгляд от цепочки следов.

Ну же, рыжая! Остановись! Спрячься куда-нибудь! В под- вал, в чулан, за поленницей. Куда угодно, только не покидай лагерь!

С каждой секундой надежда таяла, потому что следы при- ближались к границе. Неумолимо, неизбежно. Пока, нако- нец, не выскользнули из-под защитного купола. Я словно на- яву видел, как она останавливается, испуганно оборачивает- ся, пытаюсь понять, куда делось поселение, которое было тут секунду назад. Ничего не видит из-за защитного купола. Пу- гается так, что голубые глаза наполняются слезами, а потом бежит прочь, не разбирая дороги.

В первую лужу она наступила, к счастью, чёрное пятно оказалось мертвым, иначе бы она мигом осталась без но- ги. Дальше следы начали петлять, метаться из стороны в сторону. Киара пыталась обходить опасные места. По како-

му-то невероятно счастливому стечению обстоятельств сегодня выдалась серая ночь. Где-то высоко стояла полная луна. Ей не хватало сил пробиться сквозь плотную пелену облаков, но рассеянный свет лениво орошал безжизненную землю, поэтому лужи можно было рассмотреть и обойти.

Следы тянулись вглубь долины.

Глупая девчонка! Как можно сбегать, если понятия не имеешь, что тебя окружает?! Я ведь ни черта ей не рассказывал про Барьер! Она даже не подозревала, какие ужасы здесь творились!

Я бежал. Перескакивал через валуны, зловонные лужи, всматривался до боли в глазах, пытаюсь увидеть тонкий силуэт. Она не могла далеко убежать. Просто не могла! И от этого еще страшнее становилось. Потому что уйти далеко не могла, и в то же время куда ни глянь – пусто.

По спине холод прошелся, когда увидел, как светлую цепочку следов начали покрывать грязные кляксы. Кто-то из тварей. Услышал, увидел, унюхал ее и бросился следом.

Я так в жизни не боялся! Никогда, ни за кого. До такой степени, чтоб кишки узлом скручивало, и сердце норовило пробить грудь. Какого черта я ее в Дестину притащил?! Здесь не место для таких наивных девчонок! Здесь матерые воины гибнут запросто, не выдерживая, теряя бдительность. Маги сгорают заживо! А она – бестолковый найденыш, который ничего, кроме своей захолустной деревни, в жизни не видел!

Черная энергия тварей гасила следы, сбивала с толку поисковую сеть. Цепочка становилась все менее заметной, пока и вовсе не погасла. Твою мать. И что теперь?

Я одним махом заскочил на ближайший валун и осмотрелся. Следов было не видно, оставалось только гадать, куда Киара свернула.

Я должен ее найти! Если еще есть, кого искать...

И тут до меня донесся крик, переходящий в истошный визг, полный ужаса и боли.

Многолетняя привычка не позволила заорать во весь голос ее имя. Барьер любит тишину. Здесь тот, кто много шумит – долго не живет. А Киара очень сильно шумела. Настолько, что соседние пятна начали покрываться пузырями, намекая о приближении новых выродков из Запределья.

Я бросился туда, откуда доносились вопли, на ходу перекидываясь в боевую ипостась и выпуская клинки. В боевом облиции джинны злее, сильнее, а самое главное – быстрее. Поэтому мне удалось настигнуть беглянку меньше, чем за минуту.

Она лежала возле одного из деларов и отчаянно боролась с мильганом, пытающимся дотянуться до лица. Черные щупальца оплетали ее руки, впиваясь в нежную кожу, хлестали по бокам. Второй мильган уже присосался к бедру, плотным коконом обвив ногу.

И со всех сторон к ним ползли новые твари, предвкушающе щелкая, перекатываясь, словно клубки змей. Их клекот

был похож на злобный смех.

Я налетел, как ураган, одним ударом снося ту, с которой пыталась бороться девушка. Твари зашипели, но не отступили. Их манил запах свежей крови. Непреодолимо звал вперед, заставляя нападать снова и снова, бездумно подставляясь под клинки до тех пор, пока я не перерубил последнюю из них.

Киара сдавленно замычала, когда я шагнул к ней, приподнялась на локтях, пытаюсь отползти назад. Тварь, обвинившая ее ногу, не отпускала, пульсировала, жадно втягивая кровь.

– Это я. Не бойся, – обернулся обратно, опускаясь рядом с ней на колени.

В перепуганных глазах сверкнуло узнавание.

– Сейчас будет больно. Он уже запустил одно из своих щупалец. Если резко дернуть, оно оборвется, и тогда конец. Его кровь тебя изнутри сожжет, – предупредил ее, пытаюсь просунуть руку между гладкой девичьей кожей и черным пульсирующим комком. – Я сейчас аккуратно стяну. Ты только не кричи. Иначе еще появятся. Готова?

Она закусила губы, зажмурилась и быстро закивала.

– На счет три. Раз. Два. Три, – сжал тварь так, что она забилась, зашипела. Смял, чувствуя, как отвратительное тело дрожит, сочится слизью. Мне все-таки удалось протиснуть руку к самому рту, усыпанному зубами, и нащупать тот отросток, что впивался в Киару. Перехватил поудобнее, стиснул и аккуратно потянул.

Девушка едва слышно застонала и зажмурилась еще сильнее. Я снова потянул.

К счастью, мильтан не успел пробраться глубоко. Я вытащил его за пару секунд и тут же прикончил, проткнув клинком.

– Ты как?

– Больно.

– Терпи. Сейчас отнесу тебя в лазарет, – дернул ее за подол, отрывая его почти до самого пояса, – надо перетянуть рану. – Как ни странно, пока я колдовал над ее ногой, она не плакала, не ныла, не стонала. Только морщилась от боли, но не издавала ни звука. – Все будет хорошо, – ободряюще улыбнулся, – теперь все будет хорошо.

Киара покорно позволила взять себя на руки, и даже когда я снова обратился в боевую ипостась, не стала вырываться. Только обреченно глаза прикрыла и затаила дыхание.

– Прости. Я знаю, что зрелище не для слабонервных. Но так будет быстрее, – пояснил ей на ходу, уже направляясь обратно в лагерь.

Перед самым куполом я снова стал самим собой, чтобы лишний раз не наводить шороху в лагере. Вид боевого джина с окровавленной девицей на руках – зрелище не для слабонервных, тем более на ночь глядя. Переполох поднимется, Овеон опять лютовать начнет. Нет, нам этого не надо.

– Ты как? – слегка встряхнул Киару, чтобы не засыпала.

Она была бледна, как смерть, и отчаянно кусала потрес-

кавшиися губы, но держалась, как стойкий маленький солдатик. Тряпка, которой я перетянул ногу, уже намокла от крови. В воздухе чудился ее сладковатый аромат, заставляя трепетать мою вторую ипостась, которая была бы очень не против продолжить начатое – вернуться в долину и рубить тварей всю ночь напролет. Странный всплеск кровожадности меня не смутил. Бывает. Входишь в раж – и весь мир сводится к острию клинка, но сейчас есть вещи поважнее.

– Я очень устала, – тихо призналась рыжая.

– Спать нельзя! Почти пришли.

Впереди уже маячило двухэтажное здание, в котором обосновался лазарет Дестины. Второй этаж был полностью погружен во тьму, а на первом настороженно светились несколько окон, сообщая, что целители не дремлют и даже в столь поздний час готовы принять нуждающихся.

Я взбежал по ступеням, плечом толкнул дверь и ввалился внутрь. Маленький колокольчик тихонько звякнул, сообщая о моем вторжении, и в дверях тут же появился Бэн – седовласый суровый лекарь с длинной бородой и черными, словно ночь, глазами.

– Сюда, – едва заметив мою истерзанную ношу, он распахнул дверь в первую попавшуюся палату, – клади ее.

Киара испуганно озиралась по сторонам и непроизвольно цеплялась в мою рубашку. Этот неосознанный жест почему-то отозвался в душе тоской.

– Все хорошо. Сейчас тебе помогут, – улыбнулся ей через

силу и бережно опустил на койку.

Бэн уже выставял на столик несколько разномастных бутылочек.

– Выпей это, – щедро плеснул в стакан янтарно-желтой настойки.

Девушка метнула на меня быстрый взгляд, будто ожидая совета, а потом приняла стакан и сделала глоток. Наверное, это была жуткая отравка, потому что Киара сморщилась, словно сухофрукт, закашлялась, и из глаз градом покатились слезы.

– Что стряслось? – лекарь тем временем ловко срезал наскоро сооруженную повязку.

– Мильган присосался. Я его снял.

– Мильган? Где она его нашла? В лагере? – он аккуратно отогнул ткань от раны, и меня передернуло от открывшейся картины.

Казалось бы, просто окровавленная дыра. Если бы я увидел такую на ком-то из войнов, сказал бы подтереть сопли и терпеть, но на тонкой девичьей ноге это выглядело чудовищно. Темная кровь мазками покрывала светлую кожу, создавая причудливые узоры. Рваные края местами потемнели и запеклись, но сердцевина раны продолжала сильно кровоточить.

– Нет. За его пределами, – пришлось сознаться в том, что мы покидали Дестину.

– Что она забыла ночью за куполом?

Киара беспомощно уставилась на меня, не зная, что ответить.

– Она не местная, хотела прогуляться, – соврал, глядя ей в глаза.

– Нашла время для прогулок, – проворчал Бэн и налил в стакан еще одно снадобье. В этот раз темно-зеленое, – пей!

Рыжая с обреченной покорностью приняла лекарство и, зажмурившись, проглотила его, после чего затрясла головой в тщетной попытке продышаться.

– А теперь будет больно, – предупредил строго целитель, – я должен убедиться, что в ране не осталось ничего постороннего. Держи ее.

Да чтоб тебя!

– Давай-давай, держи. А то дергаться начнет – еще больнее будет.

– Погасите ее боль, – я сам не понял: то ли попросил, то ли потребовал.

– Хельм, не тупи! Ты же знаешь, что нельзя никакой магии, пока не убедимся, что в ране нет остатков Запределья.

Я прекрасно это знал.

Не сосчитать, сколько разорванных парней я приносил на своих плечах из долины в лазарет. Видел тысячу раз, как действуют лекари. Знал каждый их шаг и никогда не вмешивался.

Но с Киарой не смог смолчать. Мне было ее жалко, настолько, что в груди ныло. Это я притащил ее в эту дыру, из-

за моего недосмотра она сбежала.

– Держи! – скомандовал Бэн, подступая ближе.

– Прости, – я обхватил ее за плечи, придавливая так, что шевельнуться не могла. Она смотрела на меня, широко распахнув глаза, и в них плескался такой ужас, что я кожей его чувствовал.

Бэн сдавил ей бедро, провел, сильно надавливая пальцами вокруг раны, прощупывая, проминая, пытаюсь найти что-то чужеродное. Киара тихо стонала, не подозревая, что это только начало. Когда пальцы лекаря коснулись краев раны, она вздрогнула, тяжело задышала, и на ресницы снова навернулись слезы.

Я продолжал держать и смотреть на нее, не в состоянии хоть чем-то помочь. Бен тем временем добрался до центра – наполненного кровью отверстия, которое проделал мильган. Замер на секунду, с сожалением взглянул на Киару, и запустил палец в рану.

Она все-таки закричала. Во весь голос. До визга, до хрипоты. Забилась в моих руках, пытаюсь освободиться. Но что может хрупкая девчонка против здорового мужика? Это же борьба мышонка с барсом.

– Тихо. Тихо. Сейчас все закончится, – беспомощно повторял я, продолжая держать и чувствуя себя в этот момент полнейшим козлом. – Долго еще?

– Не торопи. Я должен проверить, – Бэн сосредоточенно прощупывал рану изнутри.

Киара уже рыдала в голос, захлебываясь криком и слезами.

А я все держал. Мне казалось, прошла целая вечность, но на самом деле всего пара минут, не больше. Бэн действовал быстро, осторожно, профессионально. Никто бы не смог провести осмотр лучше него. Я знал, что он делал все возможное, но хотелось заорать, чтобы шевелился быстрее.

Истошный крик оборвался на середине. Киара закатила глаза и обмякла, потеряв сознание.

– Все, – лекарь вынул палец, и следом за ним из заново развороченной раны начала толчками выплескиваться кровь. – Чисто.

Лишь убедившись в том, что ничего постороннего в ране не осталось, Бэн начал лечить ее по-настоящему. Руками. Он приложил ладони к худой ноге с двух сторон от раны, и теплое свечение начало расползаться по коже.

Я выпрямился и отупил от койки, чтобы ему не мешать, а потом и вовсе плюхнулся на старый стул, стоявший у окна. Такое чувство, что за эти пять минут пропотел от макушки до пяток, поседел и вообще чуть с ума не сошел.

– Можешь идти, – тихо произнес Бэн, не отрываясь от пациентки, – с ней все будет хорошо. Мильган не успел сильно навредить.

– Уверен?

– Сомневаешься в моих способностях, джинн? – хмыкнул седовласый.

– Нет, – сомнений не было. Ни единого. Я видел, как буквально с того света вытаскивал раненых воинов. И не единожды видел, – просто переживаю.

– Давно ли ты стал у нас таким впечатлительным?

С тех самых пор, как увидел рыжую девчонку на торгах в проклятом Кемаре.

– Иди. Ночью я буду с ней. А завтра сможешь навестить.

– Хорошо, – я покорно поднялся и поплелся к выходу, чувствуя, как меня пошатывает из стороны в сторону.

Глава 5

Это была самая жуткая ночь в моей жизни.

Разве я могла когда-нибудь предположить, что судьба занесет меня к Барьеру? К тому самому месту, о котором ходило столько страшных историй, которым пугали непослушных детей?

Я до сих пор помнила то странное ощущение, когда выбежала из лагеря и внезапно оказалась посреди блеклой равнины. Все серое, странное, неживое. Высокие каменные столбы, возвышавшиеся над землей, словно грозные стражи. Черные пятна на земле, при виде которых моя интуиция начала вопить о том, что надо держаться подальше. Я будто попала в другой мир, чуждый и равнодушный, и тотчас в голове всплыли все рассказы, которые в деревню приносили усталые путники и от которых у простых жителей шевелились волосы на голове.

Каким-то внутренним чутьем я поняла, что это он. Барьер.

Стало страшно аж до дрожи. Но мне очень хотелось вырваться на волю. Так хотелось, что, несмотря на усиливавшуюся тревогу, побежала куда глаза глядят, надеясь, что ноги сами вынесут в безопасное место.

Не вынесли.

Это я поняла, когда со спины на меня обрушилось что-то

черное, непонятное, как будто жидкое. Но с чертовски острыми зубами. Я пыталась его отпихнуть, но оно обвило ногу и присосалось ко мне.

Потом появилось еще одно чудовище и тоже набросилось, метя прямо в глаза, а следом ползли остальные. Я бы наверняка осталась там навсегда, возле странного каменного столба. Меня бы никто и никогда не нашел, потому что наутро было бы нечего искать. Съели бы заживо. Выпили.

Но тут появился он. Мой кошмар. Чудовище, которое выкупило меня у бабки с дедом за баснословные деньги.

...Мой спаситель.

Он раскидал их так быстро, словно это были едва вылупившиеся цыплята. Освободил, хоть это и было очень больно, а потом отнес в лазарет. И сколько бы я ни пыталась себя убедить, что он просто заботится о вещи, на которую потратил слишком много денег, не выходило.

Я видела его глаза. Так не смотрят, когда плевать. В них была тревога. Не за вещь. За меня. В них светилось отражение моей боли. Когда лекарь творил нечто невообразимое с моей раненой ногой, джинн держал меня, был рядом, и я цеплялась за него, как за спасительную соломинку.

Мне казалось, что не выдержу, умру от разрыва сердца из-за боли, которая накатывала обжигающими волнами, но вместо этого просто провалилась в темноту.

...А когда очнулась, за окном уже стоял день.

Осторожно приподнялась на одном локте и осмотрелась.

Все та же палата, в которую меня вчера принес Хельм – три койки вдоль стены, окно с короткими полупрозрачными занавесками, полочки со склянками, целая башня из тщательно скрученных бинтов на столике в углу. Здесь странно пахло. Чем-то горьким, незнакомым. А еще было так тихо, что я слышала комара, уныло гудящего под потолком.

Это первый лазарет в моей жизни. В деревне всех лечила бабка-повитуха да старый травник, у которого главное средство – крапива. Хоть от кашля, хоть от поноса. Либо ешь эту крапиву, либо прикладывай. Другого не дано. Здесь все было иначе. Как-то по серьезному, что ли. Мне даже стало любопытно. Вплоть до того момента, пока не заметила в углу ведро, а в нем, пропитанной кровью, край моего платья.

Тут же весь интерес прошел, осталось лишь страшное осознание: это – Барьер. Здесь люди гибнут, стараясь защитить других, и никакой крапивой раненых не спасти.

Я попробовала сесть и не смогла. Чудовищная слабость придавливала обратно к койке, но, как ни странно, боли не ощущалось. Может, у меня и ног-то не осталось?! Не болит, потому что болеть нечему?

Аккуратно отогнула край одеяла и одним глазом поковыляла вниз, опасаясь обнаружить самое страшное, но вместо этого увидела свою родную ножку. Целую, с коленкой и пальцами, и даже на удивление чистую. Место ранения было плотно перетянута бинтом, из-под которого проступало подозрительное желтое пятно. Вонь от него стояла несусвет-

ная. Даже глаза защищало.

Хоть мне и было страшно, но все же очень хотелось увидеть саму рану. Вчера от одного взгляда на нее меня начинало мутить, а что сегодня? Протянула руку, чтобы сдвинуть повязку, но меня остановил спокойный голос:

– Я бы не советовал делать это.

На пороге стоял Хельм и с легкой усмешкой наблюдал за моими потугами. Я мигом плюхнулась обратно на подушку, не забыв натянуть одеяло до самых ушей. Вроде как спряталась.

Джинн подошел ближе и сел на край соседней койки.

– Как самочувствие?

– Уже лучше. Ничего не болит.

– Бэн творит чудеса. Но не торопись радоваться. До полного выздоровления – несколько дней. Сейчас он просто накачал тебя обезболивающим зельем, чтобы ты могла нормально выспаться. И не трогай повязку. Поверь, ничего приятного ты под ней не увидишь.

– У меня останутся шрамы?

О Боги! Что у меня в голове?! Какие шрамы?! Разве они имеют хоть какое-то значение в сложившейся ситуации?!

– Этого я сказать не могу. Я не лекарь, – он просто пожал плечами.

Спокойный, немного усталый, будто не спал полночи. Из-за меня. Я понимала, что молчать и делать вид, словно ничего не произошло, просто неприлично.

– Спасибо, – произнесла сдавленно и, получив в ответ восторженный взгляд, пояснила, – за то, что спас.

Он смотрел на меня пристально, не моргая. Не упрекая, но и не успокаивая. Под этим взглядом я совсем сникла и пригорюнилась.

– Прости, – слово само сорвалось с непослушных губ.

– За что ты извиняешься, Киара?

– Наверное, за глупость. За наивную веру в то, что справляюсь сама.

Хельм невесело усмехнулся:

– Не справишься. В этом месте никто сам не справится.

– Мы у Барьера, ведь так?

– У него, родимого.

– Здесь очень страшно.

– Страшно, – снова равнодушно пожал плечами, – особенно первое время, потом люди привыкают.

– А джинны? – интересуюсь аккуратно.

– А джиннам здесь самое место, – легкая улыбка коснулась его губ, но тут же погасла. – Зря ты сбежала.

– Знаю, – отрицать было бессмысленно.

– Больше так не делай, – произнес строго, но спокойно.

Несмотря на случившееся, этот странный мужчина на меня не злился.

– Мне просто хотелось уйти. Вырваться на свободу.

Хельм потер висок и поморщился, словно у него болела голова.

– Киара, послушай меня очень внимательно. Я отпущу тебя. Сразу. В тот же самый момент, как ты мне скажешь, что тебе есть к кому идти. Есть где жить. Что у тебя есть цель и средства для существования. У тебя есть все это? – вопросительно поднял одну бровь, и мне не оставалось ничего иного, кроме как смущенно покачать головой. – Нет? Я так и думал. Пока я не решу, что делать с тобой дальше, тебе придется оставаться рядом. И я не сделаю тебя вольным человеком прямо сейчас по одной простой причине. Тебе нечего делать у Барьера, а как только я произнесу фразу «ты свободна», тебя выкинут из Дестины. Куда ты тогда пойдешь?

Я беспомощно пожала плечами.

– К любимой бабке? К деду?

– У меня в деревне была подруга, – произнесла неуверенно.

– Подруга? То есть ты хочешь вернуться в свою деревню, прийти к подруге домой и осчастливить заявлением, что останешься у нее жить? Наверняка ее родители или муж очень обрадуются лишнему рту, – слова прозвучали ядовито и крайне неприятно. – Уверяю, они в первый же день отташат тебя обратно к родственникам. А еще через день ты снова будешь стоять на площадке торгового дома Кемара и слушать, как тебя пытаются купить за приемлемую цену.

Он прав. Во всем прав. Но как же это неприятно. И больно.

– Что же мне делать? – подняла на него растерянный,

несчастный взгляд.

– Отдыхай, Киара. Просто отдыхай. Со временем во всем разберемся, – он поднялся с койки, – и не закрывайся. Не молчи. Поверь, я тебе не враг.

Он ушел, а я так и продолжала лежать, прижимая одеяло к подбородку. Сердце грохотало, ладошки потели, а в голове полнейшая путаница. И все из-за него. Из-за случайного хозяина, которого так хотелось ненавидеть... и не получалось.

Я тебе не враг...

Он вытащил меня из ловушки, в которую я сама себя загнала. Он принес меня сюда. Он меня спас. И он же меня купил. Я запуталась. Окончательно, бесповоротно. Всего неделю назад мой мир был прост и понятен. Самое большое потрясение – пустая тарелка на ужин. Самая страшная боль – прищемленный дверью палец. Черное было черным, а белое – белым. Я была уверена, что плохое – это всегда плохое, а хорошее – всегда хорошее. Но сейчас все смешалось. Родные люди оказались предателями. Семья – обманом. А посторонний человек, купивший меня, словно товар на рынке, спас от неминуемой гибели.

Я отпущу тебя...

Он говорил об этом так спокойно, так уверенно, не отводя взгляда. Я поверила. Чертовски боялась снова ошибиться, обжечься, но все равно верила. Так странно.

– Проснулась? – на пороге появился Бен с двумя темными склянками в руках.

– Да.

– Как самочувствие? – поставил бутылочки на табурет и бесцеремонно отогнул край одеяла. Я дернулась и попыталась прикрыться, но, получив строгий взгляд, замерла.

Какая же я глупая. Это лекарь, он помогает, а не просто так из праздного любопытства заглядывает! Мы в военном лагере, здесь никто не будет трястись над девчонкой, попавшей в передрагу.

– Простите, – расслабилась, позволяя ему выполнять свою работу, – я просто не привыкла...

– Ничего, – Бен пожал плечами, – я уже и забыл, каково это, когда тебя смущают. Воины, знаешь ли, народ не из стеснительных.

– Понимаю. Ай! – дернулась, когда он снял повязку, и с испугом посмотрела вниз. – Ооо, Боги!

Рана была просто чудовищной! Почти круглая, с запекшейся бурой коркой, которая местами потрескалась и сочилась кровью.

– Да ладно, – улыбнулся Бен, – очень даже живописно. На, выпей.

Налил в стаканчик очередную гадкую микстуру и протянул мне, а сам взялся за вторую бутылочку. Слегка покачал, перемешивая темное содержимое, открутил крышечку, потом поднес к носу и поморщился. Я тем временем отпила крошечный глоточек настойки. Она была не так противна, как то, чем меня поили вчера, но все равно отвратительно

горькая.

– Пей до дна, – распорядился лекарь и, дождавшись, когда я, зажмурившись, поднесла стаканчик к губам, вероломно плеснул из бутылки на рану.

Какая это была боль! Меня будто в кипяток окунули. Показалось, что плоть расплавилась, закипела, пошла пузырями. Крик не удалось сдержать. Он эхом прокатился по помещению и, наверное, был слышен даже на улице.

– Все. Все. Тихо. Больше не буду, – поднял руки кверху, – Прости. Мне надо было тебя отвлечь.

Боль уже утихла, жжение прошло, но я продолжала тихонько поскуливать и подозрительно косилась на подлого мясника.

– Все, Киара! Честно – не буду, – он достал новые бинты.

– Мне больно, – проныла жалобно, не скрывая укора.

– Зато теперь рана совершенно чистая. Настойка вытянула всю заразу, – Бен провел ватным тампоном по ране, стирая красную пену, – видишь? Чистенькая.

Я подозрительно покосилась на ногу, стараясь не упустить из виду коварного лекаря. Рана действительно выглядела лучше. Корка исчезла, и по краям стала видна нежная ярко-розовая кожица.

– Очень часто от черных тварей начинает портиться кровь. Поэтому пришлось наложить на ночь специальную мазь, – он кивнул на старые бинты, покрытые вонючей желтой гадостью, – а сейчас мы просто завершили процесс очи-

щения.

– Теперь все пройдет? – спросила недоверчиво, вспоминая, как долго болели жители деревни от любой хвори.

– День-два, и будешь как новенькая, – сказал Бен, – давай-ка начнем прямо сейчас.

Он аккуратно положил руку поверх раны и немного надавил. Я почувствовала приятное тепло и умиротворение, и даже, по-моему, немного задремала, отдавшись на милость волшебных рук лекаря.

Мне снился теплый луг. Солнышко. Ветер, качавший тяжелые бутоны маков...

– На сегодня, пожалуй, все, – произнес Бен, спустя некоторое время.

Я приоткрыла один глаз, зевнула и снова посмотрела на свою израненную конечность. Края раны начали стягиваться, и она выглядела уже совсем не страшно.

– Как быстро, – воскликнула, не веря своим глазам, – вы волшебник!

Лекарь довольно крикнул:

– Приятно, что я кого-то еще способен удивить.

С ним было легко, просто и спокойно, несмотря на то, что сначала он показался мне страшным и жестоким. Бен разговаривал со мной как с обычным человеком, на равных, но все-таки иногда в черных, как ночь, глазах проскакивало любопытство.

– Вы, наверное, гадаете, зачем он меня купил? И что нас

с ним связывает? – не сдержалась, задала вопрос, который и без того витал в воздухе.

– Не буду отрицать и делать вид, что все равно. Мне любопытно, как и всем остальным в лагере. Но я здесь для того, чтобы лечить, а не чтобы совать свой нос в чужие дела, – Бен пожал плечами, – раз Хельм так сделал, значит, это было нужно. Он смысленный парень.

– Он – джинн, – зачем-то напомнила я.

– Поверь, одно другому не мешает. Он надежный. С ним, как за каменной стеной. И голова у него работает как надо, – тут лекарь усмехнулся, – хотя бывает и он косячит. От души. Тогда на него орет Овеон, наш главный, и отправляет на кухню мыть котлы. Хельм бесится, но из-за уважения молчит и выполняет поручения, а все остальные развлекаются, наблюдая за всем этим.

– Весело тут в вас.

– Без капельки веселья в таком месте не выжить. Так что учись радоваться мелочам. Вот, например, сегодняшняя мазь не будет вонять так погано, как предыдущая. Чем не повод для радости?

От этих слов мне действительно захотелось рассмеяться, но меня отвлек отрывистый стук. В палату вошла девушка немногим старше меня. На ней было коричневое строгое платье с отличительным знаком целителя на плече – серебряной десятиконечной звездой – и крошечная белая шапочка.

– Да, Марьяна? – Бен выжидающе посмотрел на вновь прибывшую. – Что-то случилось?

– Нет, – она раздраженно мотнула головой, и светлые кудряшки задорно запрыгали по плечам, – вот, попросили передать.

Она положила аккуратный сверток на соседнюю койку.

– Что это?

– Платье для нашей новой гости. От Хельма.

Мне показалось, или в ее голосе проскочила зависть? Наверное, все-таки показалось.

– Весьма кстати, – тут же отозвался Бен, – сегодня Киара проведет в постели, а завтра ей уже можно и нужно вставать.

Марьяна кивнула, старательно не глядя в мою сторону, и быстрым шагом вышла из палаты.

– Вот видишь. Я же говорил. Как за каменной стеной.

На следующий день, как и обещал лекарь, я смогла встать с кровати. Нога почти не болела, лишь место ранения немного тянуло, да изредка простреливало от колена и вверх, а во время перевязки я с удивлением обнаружила, что на месте устрашающей раны образовался свежий рубец, затянутый нежной розовой кожей.

Я была бодра, почти здорова и на удивление спокойна. Наверное, мне нужно было попасть в ту ночную передрыгу, чтобы перестать себя жалеть и включить мозги.

Итак, меня продали. Бабка с дедом, которые вовсе и не

бабка с дедом. И это отвратительно. Но! Если говорить начистоту, то эти дни без них были самыми спокойными в моей жизни. Если, конечно, не принимать во внимание джина, которому я теперь принадлежу, мой ночной побег и нападение черных тварей. Но речь не о них, а о том, что здесь никто не смотрел на меня так, словно я крепко задолжала и не отдаю, или что меня терпят из последних сил.

Я была одинока, расстроена всем случившимся, испугана, но при этом чувствовала себя лучше, чем когда жила под неустанным контролем «родственников». Они постоянно следили, чтобы я поменьше выходила из дома и не слишком тесно общалась с остальными жителями деревни, чтобы сильно довольной не была. А уж если я, не дай Бог, пребывала в хорошем настроении и улыбалась, они считали своим долгом стряхнуть меня с небес на землю.

Я не скупала по ним, совершенно. И почему-то было немного стыдно из-за этого. Хотя это им должно быть стыдно, а не мне! Это же они всегда относились ко мне, как к надоедливой козе, выращенной на продажу!

После еще одной ночи, проведенной в лазарете, я с кристальной явностью поняла, что меня пугала неизвестность, а никак не разлука с любимыми родственниками и прежней не особо радостной жизнью.

День прошел тихо, не считая того, что она из целительниц, та самая Марьяна, что передала сверток от Хельма, меня невзлюбила. Когда ей поручили трижды в день менять

мне повязку, она только недовольно фыркнула и полоснула холодным взглядом, но тут же кротко согласилась, не осмелившись спорить с Беном.

Эти процедуры превратились в самое настоящее испытание. Она бесцеремонно сдирала повязку, несмотря на то, что та местами присыхала, щедро плескала на нежную кожу едкую жидкость – ту самую, от которой казалось, что плоть плавится, потом затягивала новый бинт, так сильно дергая в конце за завязки, будто хотела меня задушить.

Было больно и обидно. И непонятно.

Я попыталась с ней поговорить, но была удостоена только пренебрежительного шипения. Слов до конца не разобрала, но там явно прозвучало что-то из разряда «еще и лечить тут всяких». Кого именно «всяких» для меня осталось загадкой. То ли дурочек, сбегających ночью из лагеря, то ли невольниц, которым не место в этом самом лагере.

Когда она пришла ко мне третий раз, день уже клонился к вечеру. Едва я увидела хмурую физиономию, стало тошно. Сейчас она снова меня обдерет! Не дожидаясь ее распоряжений, вернулась в постель, села и задрала подол, оголяя бедро. Марьяна тем временем расставляла склянки на столике с таким видом, будто находиться рядом со мной ниже ее достоинства.

– Сядь ровнее! Подол выше, – голос у нее был раздраженный, а все движения какие-то нервные и отрывистые.

Я молча повиновалась. Только зажмурилась изо всех сил

и губы закусила, чтобы не ойкнуть, когда она в очередной раз щедро полила меня чудодейственным снадобьем.

– Нечего тут дергаться, – Марьяна все-таки заметила мои гримасы, – не так уж и больно.

– Это я от удовольствия, – коротко огрызнулась, за что была удостоена еще одного раздраженного взгляда, – у тебя такая легкая рука, что просто блаженство.

Молодая лекарка подобралась, как кошка перед броском. Однако я так и не узнала, что она хотела мне сказать, поскольку в коридоре раздались легкие шаги и спустя миг на пороге появился Хельм.

– Эх ты, – бросил взгляд на мою юбку, задранную выше некуда. Я тут же испуганно одернула ее вниз и покраснела. Джинн торопливо отвернулся, – извиняюсь. Не подумал о том, что можете быть заняты чем-то важным.

– Нет, нет, что ты, – пропела Марьяна, – мы уже закончили.

Тут уже настала моя очередь хмуро на нее смотреть. Куда делась злая драная кошка? И где раздраженный голос? Что это за превращения?

Марьяна тем временем улыбалась. Вполне себе приветливо и очень даже мило. И улыбка эта предназначалась Хельму.

– Как прошел день? – она как бы случайно поправила выбившийся из-под шапочки локон, напомнив мне в этот момент деревенских девчонок, которые красовались перед понравившимися парнем.

– Пфф, – он махнул рукой, – кухня – наше все. Мне сегодня доверили отскребать с противня припекшиеся куски чего-то зеленого и вонючего.

Джинн передернул широкими плечами.

– Ты приходи в лазарет, я тебе освобождение дам, – кокетливо предложила Марьяна, заботливо укрывая меня пледом.

– И по какому поводу будет освобождение? – Хельм бросил быстрый взгляд через плечо и, убедившись, что я уже в приличном виде, обернулся к нам.

– Ну не знаю, – замялась девушка, – скажем, что упал...

– И заработал ушиб всего джинна, – беспечно рассмеялся мой хозяин, качая головой

Марьяна смутилась, а я вздрогнула, изумленно уставившись на молодого мужчину.

Это смех... Такой искренний, открытый, от души... Он как ножом под сердце. Стоило его услышать, и какая-то часть меня взволнованно сжалась.

– Спасибо, Марьян, но, боюсь, Овеон меня не отпустит, даже если я действительно буду тяжело болен. Так что, увы и ах, – он безнадежно развел руками, а потом направился ко мне. – Мы тут поболтаем, ты не против?

– Конечно, – лекарка выдавила из себя приветливую улыбку, но я снова словила от нее быстрый ревнивый взгляд.

Она собралась: скинула в коробку старую повязку, туда же бросила пустой пузырек и, гордо задрав нос, вышла из палаты, оставив нас с Хельмом наедине.

– Ну, как ты тут? – он плюхнулся на стул, с интересом осматриваясь по сторонам.

– Нормально, – сдержано буркнула я.

– Нормально – это не ответ, – посмотрел на меня с легкой усмешкой.

Глаза у него были такие темные, что с трудом удавалось рассмотреть их цвет. Грифельно-серые. Светлее у зрачка и почти черные по краю.

– У меня все в порядке.

– Во-о-от, – протянул удовлетворенно, – уже лучше. А теперь подробнее и с выражением.

Я нахохлилась, не понимая, чего ему от меня надо, а Хельм продолжал смотреть и улыбаться.

– Нога почти не болит, – наконец, выдала я скупую фразу. Он кивнул, ожидая продолжения. – Меня здесь кормят. Хорошо.

– Угу, – снова смотрит.

– Мажут всякой гадостью...

Опять хитрый взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.